

ЛОКОН С ИЗУМРУДНОГО МОРЯ

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

художник ГОВАРД ЛАЙОН

Брендон Сандерсон
Локон с Изумрудного моря
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Космер»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70007860
Локон с Изумрудного моря: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-24444-3*

Аннотация

На планете, где в океанах не вода, а чрезвычайно опасные организмы, на острове посреди Изумрудного моря живет юноша, которому совсем не в радость его судьба – судьба единственного сына герцога, будущего наследника престола. И однажды Чарли приходится покинуть остров: отец увозит его на поиски знатной невесты, чтобы заключить выгодный династический брак. Прощаясь, Чарли обещает юной простолюдинке, в которую влюблен, вернуться и жениться именно на ней. Обещает – и не возвращается. Вместо него герцог привозит совсем другого юношу, своего дальнего родственника, которого и объявляет своим приемным сыном и наследником. Однако девушке все же удастся выяснить, что Чарли был брошен в Полуночном море, самом опасном из двенадцати морей планеты. И теперь, чтобы отправиться к нему на выручку, мало нарушить строжайший

запрет герцога покидать остров – необходимо изобрести способ его нарушить...

С цветными иллюстрациями знаменитого фэнтезийного художника Говарда Лайона!

Впервые на русском!

Содержание

Благодарности	8
Часть 1	13
1. Девушка	13
2. Садовник	18
3. Герцог	33
4. Сын	37
5. Принцесса-невеста	48
Часть 2	57
6. Инспекторша	57
7. Отец	64
8. Заяц на борту	70
9. Крыса	76
10. Споровщик	83
11. Вор	88
12. Капитан Ворона	95
Часть 3	106
13. Юнга	106
14. Дуги	113
15. Баталер	121
16. Труп	128
17. Плотник	134
18. Еще один труп	143
19. Канонир	152

Брендон Сандерсон

Локо с Изумрудного моря

*ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭМИЛИ, которую я люблю
всей душой*

Brandon Sanderson
TRESS OF THE EMERALD SEA

Copyright © 2023 by Dragonsteel Entertainment, LLC
Symbols and illustrations by Howard Lyon Copyright © 2023

by Dragonsteel Entertainment, LLC

Published by permission of the author and his literary agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации Говарда Лайона, © Dragonsteel Entertainment, Llc

Издательство благодарит Веру Эслауэр, Марию Кантор и Марию Аль-Ради за участие в подготовке книги.

© И. Е. Лебедева, перевод, 2023

© А. В. Третьяков, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Благодарности

Приступая к работе над книгой, я понятия не имел, к чему это в конце концов приведет. (Обязательно ознакомьтесь с постскриптумом, где я рассказываю – возможно, даже слишком откровенно – о том, что вдохновило меня.)

Я догадывался, что кампания на «Кикстартере»¹, запущенная в связи с четырьмя моими новыми романами, станет чем-то особенным. Однако результат превзошел все ожидания! Я знаю, что многие из вас предпочитают формат аудиокниги, у которого, безусловно, есть свое особое очарование, но, если будет возможность, хотя бы просто подержите в руках печатную версию. Потому что это вау!

И именно по этой причине я считаю необходимым выразить благодарность прежде всего Говарду Лайону. Я хотел, чтобы в этих проектах художник мог раскрыться, то есть самостоятельно создать книги практически с нуля. Говард отлично справился с задачей! Оформление обложки и форзацев, внутренние иллюстрации – едва ли не полностью дизайн этой книги разработан им. Спасибо тебе, Говард, за то, что согласился взяться за эту работу. Результат получился потрясающим!

¹ Сайт для привлечения денежных средств, направленных на реализацию различных творческих и иных проектов, через добровольные пожертвования пользователей.

Также я бы хотел поблагодарить Айзека Стюарта, арт-директора нашего издательства «Dragonsteel Books», сделавшего все возможное, чтобы собрать части в единое целое. Рейчел Линн Бьюкенен помогла нам с художественным оформлением. Билл Уирн из типографии «American Print and Bindery» приложил все силы, чтобы книга вышла из печати, учитывая сложности с поставками материалов в наше непростое время. Билл, огромное тебе спасибо! Я также хотел бы поблагодарить всех, кто делал тираж: работников бумажных фабрик, поставщиков полиграфических материалов, печатников, переплетчиков и водителей.

Выражаю отдельную благодарность Эмили Сандерсон, которая является операционным директором «Dragonsteel», и нашему редакционному отделу: Питеру Альстрому, Карен Альстром, Кристи Гилберт и Бетси Альстром. Благодарю Кристи Куглер, нашего редактора, и весь наш операционный отдел: Мэтта «Ты собираешься в каждой книге делать нечто подобное, Брэндон?» Хэтча, Эмму Тан-Стокер, Джейн Хорн, Кэтлин Дорси Сандерсон, Макену Салуоне и Хейзел Каммингс. Спасибо и нашим рекламщикам: Адаму Хорну, Джереми Палмеру и Тейлору Хэтчу.

Как правило, эти люди не получают должного признания за все, что они делают для реализации моих проектов. В частности, кампания на «Кикстартере» вряд ли состоялась бы, если бы не их энтузиазм и замечательные идеи. (На-

пример, первоначально идею собрать деньги методом краудфандинга предложил Адам несколько лет назад.) Мы поработали на славу, чтобы воплотить замысел в жизнь, так что, если вам представится возможность, поблагодарите лично каждого участника моей команды.

И конечно же, необходимо выразить особую благодарность отделу логистики. Команда Кары Стюарт усердно работала, чтобы сейчас вы могли держать книгу в руках. Все они заслуживают аплодисментов: Кристи Джейкобсен, Лекс Уилхайд, Келлин Нойманн, Мем Грейндж, Майкл Бейтман, Джой Аллен, Кэйти Айвз, Ричард Руберт, Шон ван Бускирк, Изабель Крисман, Тори Мечам, Элли Рип, Джейкоб Крисман, Алекс Лайон и Оуэн Ноултон.

Я хотел бы также поблагодарить Марго Этвелл, Ориану Лекерт и остальных членов команды «Кикстартера». Кроме того, я хотел бы сказать спасибо Анне Галлахер, Палмеру Джонсону, Антонио Росалесу и остальным членам команды «Бекеркит»².

У этой книги есть одна особенная читательница – Дженна Биком, которая оказала нам неоценимую помощь. Если вам когда-нибудь понадобится создать персонажа с нарушениями слуха, обращайтесь к Дженне. Она поможет все сделать правильно.

Первыми читателями рукописи стали Адам Хорн, Рей-

² Компания – разработчик программного обеспечения, которое помогает запускать успешные краудфандинговые кампании.

чел Линн Бьюкенен, Келлин Нойманн, Лекс Уилхайд, Кристи Джейкобсен, Дженнифер Нил и Джой Аллен.

Наши бета-ридеры – Мишель Уокер, Мэттью Винс, Тед Херман, Робт Уэст, Евгений «Арджент» Кириллов, Джесси Лейк, Кальяни Полури, Бао Фам, Линнея Линдстром, Джори Филлипс, Дарси Коул, Крейг Хэнкс, Шон ван Бускирк, Фрэнки Джером, Джулия Костантини, Элиягу Береловиц Левин, Трэй Купер и Лорен Маккэффри.

Гамма-ридеры: Джой Аллен, Джейден Кинг, Крис Макграт, Дженнифер Нил, Джошуа Харки, Эрик Лейк, Росс Ньюберри, Боб Клутц, Брайан Хилл, Шеннон Нельсон, Сюзан Мусин, Глен Фогелаар, Иэн Макнатт, Гэри Сингер, Эрика Кута Марлер, Дрю Маккэффри, Дэвид Беренс, Розмари Уильямс, Тим Чалленер, Джессика Эшкрафт, Энтони Экер, Алексис Хорайзон, Лилиана Кляйн, Кристофер Коттингем, Аарон Биггс и Уильям Хуан.

И последнее, но не менее важное: огромное спасибо всем, кто поддержал наш проект на «Кикстартере». Я и не предполагал, что мы так легко наберем необходимую сумму, не говоря уже о том, чтобы набрать вдвое бóльшую. Я просто хотел сделать что-то необычное, что-то интересное и прикольное. Ваша поддержка по-прежнему значит для меня очень много. Еще раз спасибо!

Брендон Сандерсон

Часть 1

1. Девушка

На Скале посреди океана жила девушка.

Однако океан был совсем не похож на тот, который, возможно, вы себе вообразили.

И Скала была совсем не похожа на ту, что вы представили.

А вот девушка вполне может быть той, что возникла в вашем сознании, – при условии, что вам она видится вдумчивой, нежной и обожающей коллекционировать чашки.

Люди частенько называли девушку обладательницей роскошных волос пшеничного цвета. Однако некоторые считали, что у ее волос цвет карамели, а другие – что он медовый. Девушка иногда задумывалась, почему люди предпочитают описывать внешность через ассоциации с едой. Вероятно, они испытывают определенного рода голод и таких людей следует избегать.

По мнению самой девушки, ее волосы были светло-каштановыми. А впрочем, цвет – не самая интересная их черта. Они были ужасно непослушными. Каждое утро девушка героически умирjala их с помощью щетки и расчески, а затем заплетала в тугую косу и перехватывала лентой. И все же некоторые локоны ухитрялись выбиться из прически и сво-

бодно развевались на ветру, радостно приветствуя каждого, с кем девушке доводилось встречаться.

При рождении девушке было дано весьма неудачное имя Глорф (не судите строго, ведь это родовое имя), однако из-за непослушных волос ее нарекли иначе – Локон, и под этим именем девушку знали все вокруг. Это прозвище, по мнению Локон, и было самой интересной ее чертой.

Локон была воспитана в определенных традициях неискоренимого прагматизма. Подобный недостаток нередко развивается у обитателей суровых безжизненных островов, которые не суждено покинуть. Ежедневная встреча с пейзажем из черного камня, несомненно, влияет на вашу жизненную позицию.

Остров, где жила девушка, формой напоминал скрюченный палец старика, который будто торчал из океана, указывая на горизонт. Он целиком состоял из черного соляного камня и был достаточно велик, чтобы на нем поместился целый город и герцогский особняк в придачу. Хотя местные жители называли остров Скалой, на картах он значился как Пик Диггена. Никто уже не помнил этого Диггена, но, очевидно, он был смысленным малым, потому что навсегда покинул Скалу вскоре после того, как дал ей свое имя.

Локон имела привычку по вечерам сидеть на крыльце фамильного дома с одной из любимых чашек в руках, потягивать соленый чай и глядеть на зеленый океан. Да, я не оговорился: океан действительно был зеленым. Кроме того, он

не был мокрым. Но об этом чуть позже.

На закате Локон размышляла о людях, которые посещали Скалу на своих судах. Остров едва ли можно было назвать туристической меккой. Черный соляной камень постоянно крошился, из-за чего было почти невозможно заниматься сельским хозяйством – любая почва, завезенная на остров, вскоре перенасыщалась солью. Единственная пища, которую производил остров, выращивалась в компостных чанах.

На Скале работали важные скважины, достигавшие глубокого водоносного горизонта, – именно за водой из этих скважин приплывали гости. Однако машины, работавшие в соляных шахтах, постоянно извергали потоки черного дыма.

В общем, атмосфера была мрачной, местность – убогой, пейзаж – удручающим. А еще я забыл рассказать вам о смертоносных спорах.

Пик Диггена располагался рядом с Зеленым Лунагри. Термин «лунагри», как вам должно быть известно, означает места, где двенадцать лун висят на гнетуще низких стационарных орбитах. Луны эти достаточно велики, чтобы заполнить собой треть неба, и одна из двенадцати видна всегда, где бы вы ни находились. Словно бельмо на глазу, она будет доминировать в поле вашего зрения.

Местные жители чтили эти луны как богов, и тут я с вами полностью согласен: едва ли возможно найти более нелепый предмет для обожествления. Однако легко понять, откуда взялось это суеверие, если учесть тот факт, что на по-

верхность планеты сыпались споры, похожие на разноцветные песчинки.

Они падали с лунагри, а Зеленое Лунагри виднелось в пятидесяти или шестидесяти милях от поверхности острова – рукой подать до этого огромного фонтана разноцветных пылинок, ярко мерцающих и чрезвычайно опасных. Споры заполнили собой океанские впадины, и из этой инопланетной пыли – а не из воды – сотворились огромные моря. Корабли плавали по спорам, как в вашем мире они плавают по воде. Находите это необычным? Позвольте спросить, а на скольких планетах вы успели побывать? Возможно, обитатели большинства миров бороздят океаны пылицы и именно ваша родная планета – самая необычная из всех.

Споры становились опасны, только если их намочить. И, учитывая, сколько жидкости выделяет человеческое тело даже в здоровом состоянии, это представляло собой немалую проблему. Всего одна капля воды приводила к тому, что споры мгновенно начинали разрастаться, и результаты варьировались от неприятных до смертельных. Например, если вы вдохнете зеленые споры, то благодаря слюне из вашего рта – или, в более интересных случаях, из носовых пазух – тут же вырастет лоза и обовьется вокруг головы.

Споры могли быть нейтрализованы двумя веществами: солью и серебром. Вот почему жители Пика Диггена ничего не имели против соленой пищи или воды. Своих детей они заставляли выучивать наизусть главное правило выживания:

солнца да серебришко – спорам верная крышка. Вполне приемлемый стишок, если вы из тех дикарей, которым чуждо понятие размера.

Как бы то ни было, если учесть споры-убийцы, смог и соль, становится понятным, почему король, которому подчинялся герцог, в конце концов утвердил закон, запрещающий местному населению покидать Скалу. Он объяснил свое решение на военный манер, пользуясь высокопарными словосочетаниями вроде «необходимый персонал», «стратегическое снабжение» и «дружественная якорная стоянка». Однако все знали правду. Это место было настолько негостеприимным, что даже у смога оно вызывало тоску. Суда периодически подходили к острову для ремонта, сдачи отходов в компостные чаны или набора свежей воды. Но каждый местный житель покорно соблюдал королевский запрет покидать Пик Диггена.

Вот потому-то Локон и просиживала вечера на своем крыльце, наблюдая, как отчаливают корабли, как споры валом валят с луагри, как солнце выходит из-за луны и ползет к горизонту. Девушка потягивала соленый чай из чашки с лошадками и думала: «На самом деле в этом есть своя прелесть. Мне здесь нравится. И я верю, что прожить на Скале всю оставшуюся жизнь – не такая уж плохая перспектива».

2. Садовник

Возможно, вас удивили мысли Локон. Ей хочется остаться на Скале? Ей нравится здесь жить?

А как же тяга к приключениям? Страсть к путешествиям? Желание увидеть как можно больше нового?

Что ж, это не та часть истории, где вы можете задавать вопросы. Так что, пожалуйста, держите их при себе. Тем не менее вы должны понимать: я рассказываю о людях, которые одновременно и являются, и не являются тем, чем кажутся. Я рассказываю о противоречиях. Другими словами, я рассказываю о человеческих существах.

Вот почему Локон нельзя назвать героиней в привычном смысле этого слова. На самом деле она была совершенно обыкновенной. Сама себя считала категорически скучной. Она предпочитала пить чай подостывшим. Ложилась спать вовремя. Любила родителей, иногда ссорилась с младшим братом и была очень чистоплотной. Она неплохо вышивала, и у нее определенно имелся кулинарный талант, однако другими заслуживающими внимания навыками девушка не обладала.

Никаких тайных уроков фехтования или способности понимать язык животных. В ее роду не было королевских ба-стардов или божественных существ, хотя, по слухам, Глорф, ее прабабушка, однажды помахала королю с вершины Ска-

лы, когда тот проплывал мимо. Но то место находилось за много миль от крыльца, на котором сживала Локон, а потому девушка не считала, что данный факт имеет к ней какое-то отношение.

Короче говоря, Локон была обычной девочкой-подростком. Поскольку другие девочки часто упоминали, что они не такие, как все остальные, то через некоторое время Локон поняла: она как раз из этих «остальных». Другие девочки, очевидно, были правы насчет своей уникальности – у них так хорошо получалось быть особенными, что они целыми днями только этим и занимались.

Локон была рассудительнее большинства людей: ей не нравилось навязываться или просить. Она молчала, когда другие девушки смеялись или отпускали шуточки в ее адрес. Ведь они получали от этого такое удовольствие, что было бы невежливо его испортить. А еще было бы несколько самонадеянно требовать от них больше так не делать.

Некоторые бойкие парни говорили о поисках приключений, о плаваниях в чужих морях и океанах. Локон находила эту идею пугающей. Как можно бросить родителей и брата? И потом, у нее же собственная коллекция чашек.

Локон чрезвычайно трепетно относилась к чашкам: фарфоровым с изящной росписью, глиняным с грубоватой текстурой, деревянным с потертостями от постоянного использования.

Некоторые моряки из тех, кто частенько причаливал к Пи-

ку Диггена, знали о ее пристрастии к чашкам и иногда привозили ей сувениры с берегов всех двенадцати морей, из далеких краев, где споры, по слухам, были багряными, лазурными или даже золотыми. В благодарность девушка дарила морякам пироги, продукты для которых покупала на гроши, что зарабатывала мытьем окон.

Чашки, которые ей привозили, нередко были не новыми, но Локон не имела ничего против их несовершенства. У каждой чашки со сколом или трещиной была своя история. Девушка любила их все, потому что они подарили ей целый мир. Каждый раз, когда Локон делала глоток из чашки, ей казалось, что она ощущает вкус незнакомых блюд и напитков, а также, возможно, немного понимает людей, которые их приготовили.

Любое пополнение коллекции Локон непременно показывала Чарли.

Чарли утверждал, что работает садовником в поместье герцога на вершине Скалы, но Локон знала, что на самом деле этот юноша – сын герцога. Руки его были мягкими, как у ребенка, а не мозолистыми, и питался он лучше, чем кто-либо другой в городе. Волосы всегда были аккуратно подстрижены, а на пальце, на котором представители знати обычно носили кольцо с печаткой, бледнел чуть заметный след. Похоже, Чарли снимал кольцо, едва заметив девушку.

Кроме того, не существовало сада, за которым, по словам Чарли, он ухаживал. Ведь замок герцога стоял на верши-

не Скалы. Когда-то там росло дерево, но оно благоразумно скончалось несколько лет назад. Однако в поместье имелись немногочисленные растения в горшках, которые позволяли парню и дальше притворяться садовником.

Ветер кружил серые пылинки у самых ног девушки, пока она поднималась по тропинке к замку. Умирая, споры делались серыми – сам воздух вокруг Скалы был достаточно соленым, чтобы их убить, – но Локон по привычке задерживала дыхание, когда шла этим путем. На развилке девушка повернула налево – правая тропа вела к шахтам – и начала взбираться по откосам к выступу.

Замок зиждился на специальной опоре и напоминал тучную лягушку, взгромоздившуюся на цветок лилии. Локон могла лишь догадываться, чем именно привлекло герцога это место. Оно находилось совсем близко к смогу, – возможно, герцогу просто нравился сосед со схожим темпераментом.

Путь к поместью нельзя было назвать простым, но по тому, как сидела одежда на членах благородного семейства, можно было предположить, что они не чураются физических упражнений.

Обычно поместье охраняли пятеро солдат (хотя сейчас дежурили только Снагу и Лид), и они неплохо справлялись со своими обязанностями. По крайней мере, уже невесть сколько лет никто из семьи герцога не становился жертвой какой-нибудь из многочисленных опасностей, подстерегаю-

щих любого знатного человека, живущего на Скале. (К такому относятся и скука, и ушибы пальцев ног, и возможность задохнуться, подавившись куском пирога.)

Разумеется, Локон принесла солдатам угощение. Пока они уплетали пирог, девушка раздумывала, не показать ли им новое приобретение – жестяную кружку с выбитыми на ней буквами неизвестного алфавита, которые явно полагалось читать сверху вниз, а не слева направо. Но все же Локон не рискнула навязываться.

Стража охотно пропустила девушку, хотя сегодня была не ее очередь мыть окна в замке. Локон нашла Чарли на внутреннем дворе: он упражнялся с мечом. Увидев девушку, парень отложил оружие и поспешно снял с пальца кольцо.

– Локон! – воскликнул он. – Не думал, что ты заглянешь к нам сегодня.

Чарли совсем недавно исполнилось семнадцать, он был всего лишь на два месяца старше Локон. Девушка знала наизусть все улыбки, которыми он мог ее приветствовать. Например, вот эта говорила: «Я искренне рад поводу закончить тренировку». Он не так сильно любил это занятие, как хотелось бы его отцу.

– Фехтование, Чарли? – удивилась Локон. – Разве умение владеть мечом входит в обязанности садовника?

– Ты про это? – Он взял тонкий дуэльный меч. – Так ведь он предназначен как раз для садоводства!

Чарли нерешительно ткнул мечом в горшок с каким-то

чахлым растением. Удар клинка, разрубивший лист, определенно не прибавил бедняге шансов на выживание.

– Садоводство, – эхом повторила Локон. – С помощью... меча?

– Именно так ухаживают за растениями на королевском острове, – не растерялся Чарли и вновь ударил по листу. – Там вечно воюют, ты же знаешь. Если подумать, вполне закономерно, что королевские садовники научились стричь растения мечом. Удобно же, когда оружие всегда при тебе.

У Чарли плохо получалось лгать, но отчасти именно поэтому он нравился Локон. Юноша был слишком открытым. Он даже лгал открыто. И, видя, как тяжело он вымучивает неправду, невозможно было направить ее против него самого. Ложь Чарли – такая откровенная – была лучше откровенности многих других людей.

Чарли еще раз нерешительно махнул клинком в сторону несчастного растения, затем посмотрел на девушку и вопросительно приподнял бровь. Локон покачала головой. На его губах заиграла ухмылка, которая говорила: «Я попался, но не могу в этом признаться». После чего он воткнул меч в землю, которой был наполнен горшок, и плюхнулся на низкую садовую стену.

Сыновьям герцогов не полагается плюхаться на что бы то ни было. Поэтому Чарли вполне можно считать исключительно одаренным юношей.

Локон устроилась рядом, поставив корзинку себе на ко-

лени.

– Что ты мне принесла на сей раз? – поинтересовался юноша.

Локон достала из корзинки пирожок.

– С голубем и морковью, – пояснила она. – И с соусом из тимьяна.

– Благородное сочетание, – одобрил Чарли.

– Сын герцога, будь он здесь, вряд ли согласился бы с тобой.

– Сыну герцога дозволено есть только блюда с разными диакритическими знаками в названиях, – сказал парень. – И ему точно не позволили бы прервать тренировку ради еды. Так что мне повезло, что я не он.

Чарли откусил от пирога. Локон замерла в ожидании очередной улыбки, и та не заставила себя ждать: улыбка наслаждения. Локон полдня ломала голову, что бы приготовить из продуктов с портового рынка, чтобы заслужить эту особенную улыбку.

– А что еще ты мне принесла?

– Садовник Чарли, – строго проговорила девушка, – ты лопаешь дармовой пирог да еще смеешь просить добавки?

– А вот и смею! – воскликнул Чарли с набитым ртом и ткнул пальцем в корзинку. – Знаю, тут еще кое-что лежит. Давай же, показывай.

Девушка усмехнулась. Кому другому она бы не посмела навязываться, но Чарли не был кем-то другим. Локон доста-

ла из корзинки жестяную кружку.

– А-а-а, – протянул Чарли, после чего отложил недоеденный пирог и благоговейно взял кружку в руки. – Что-то необычное на этот раз?

– Тебе знакомо это письмо? – нетерпеливо спросила Локон.

– Это древнеириальский, – ответил Чарли. – Знаешь, они ведь исчезли, эти ириали. Целый народ взял и – пух! Жили себе не тужили и в один прекрасный день будто испарились, оставив свой остров необитаемым. Это случилось триста лет назад, так что никто из ныне живущих не встречал ириали, но считается, что у них у всех были золотые волосы. Как у тебя, цвета солнечных лучей.

– Мои волосы не цвета солнечных лучей, Чарли.

– Твои волосы были бы цвета солнечных лучей, если бы солнечные лучи были светло-каштановыми.

Следует заметить, что Чарли обожал играть со словами. Правда, нередко он им проигрывал.

– Держу пари, у этой кружки богатая история, – с энтузиазмом продолжил Чарли. – Наверняка ее смастерили для какого-нибудь ириалийского аристократа за день до того, как он вместе со своей челядью отправился к праотцам. А забытую на столе посудину прибрала к рукам бедная рыбацка, первой прибывшая на остров и обнаружившая – о ужас! – что целый народ исчез в мгновение ока. Она подарила кружку своему внуку, который стал пиратом. В конце концов он похоронил нечестно нажитое богатство в толще спор. И вот недавно клад, уйму лет пролежавший во тьме, подняли со дна, и так кружка попала к тебе.

Юноша поднял кружку так, чтобы на нее падал свет.

Локон слушала и улыбалась. Время от времени, моя окна в замке, девушка слышала, как родители ругали Чарли за болтливость; они считали это глупым и неподобающим его положению. Родители редко давали Чарли договорить. Локон считала это досадным. Чарли частенько давал волю языку, но лишь потому, что любил разные истории так же сильно, как Локон – свои чашки.

– Спасибо тебе, Чарли, – прошептала девушка.

– За что?

– Ты дал то, чего мне не хватало.

Чарли понял, что имела в виду Локон. Вовсе не чашки и не истории.

– Всегда пожалуйста. – Он накрыл ее руку своей. – Я всегда готов дать то, чего тебе хочется. И ты всегда можешь сказать мне, чего именно тебе хочется. Я знаю, обычно ты этого не говоришь.

– А чего хочешь ты, Чарли?

– Я не знаю, чего хочу, – признался он. – Кроме, пожалуй, одного. Того, чего хотеть не должен. А должен хотеть приключений. Как в сказках. Ты знаешь какие-нибудь сказки?

– Про прекрасных дев, что попадают в плен и могут там лишь сиднем сидеть? Да время от времени молить о помощи?

– Думаю, так тоже бывает.

– Почему все героини сказок непременно красавицы? – спросила Локон. – Чем не устраивают дурнушки? Например, девы, красивые не внешне, а внутренне? Что-то вроде хорошо приготовленного блюда? Я могла бы стать такой девой. Я разбираюсь в еде. – Поморщившись, Локон добавила: – Хорошо, что мы не в сказке, Чарли. Я бы наверняка попала в плен.

– А я, вероятно, там сразу бы помер, – сказал юноша. – Я ведь трус. Это чистая правда.

– Чепуха. Ты всего лишь обычный человек.

– Ты... когда-нибудь видела, как я веду себя с герцогом? Локон промолчала. Потому что видела Чарли рядом с герцогом, и не раз.

– Если бы я не был трусом, – продолжал он, – то мог бы сказать тебе то, что сказать не в силах. Но если бы ты, Локон, попала в плен, я бы непременно тебя выручил. Я бы надел доспехи. Сияющие доспехи. Ну или просто доспехи. Пожалуй, если бы кто-нибудь из моих знакомых попал в плен, я не стал бы тратить время на чистку доспехов. Как думаешь, герои сказок надраивали свои латы перед тем, как отправлялись кого-то спасать? Это же пустая трата времени.

– Чарли, – прервала его Локон, – разве у тебя есть доспехи?

– Я бы непременно их раздобыл, – заявил он. – Я бы наверняка что-нибудь придумал. Даже трус станет храбрым в надежной броне, верно? В сказках, как правило, много убитых. Я бы мог снять доспехи с...

Тут из замка донесся крик, прервавший разговор молодых людей. Отец Чарли явно был чем-то недоволен. Насколько Локон могла судить, единственной обязанностью герцога было кричать на всех подряд, и он относился к ней очень серьезно.

Чарли весь напрягся, глядя на замок; улыбки как не бывало. Но поскольку источник воплей не приближался, юноша снова посмотрел на кружку, которую держал в руках. Момент был упущен; ему на смену тут же явился другой, как

обычно и происходит. Этот другой момент был уже не таким интимным, но тоже очень ценным для Локон, потому что она все еще была с Чарли наедине.

– Прости, – тихо извинился юноша, – за то, что заговорил о прекрасных девах и доспехах мертвецов. Но спасибо тебе, Локон, – ты все равно меня слушаешь. Мне это нравится.

– А мне нравятся твои истории. – Локон забрала у Чарли кружку и перевернула ее. – Как думаешь, что-нибудь из того, что ты наплел об этой вещице, правда?

– Что-нибудь может быть и правдой, – кивнул Чарли. – Это ведь самое замечательное свойство любой истории. Взгляни на эту надпись – она подсказывает, что когда-то кружка принадлежала королю. Тут написано его имя.

– А древнеириальный ты выучил...

– ...в школе садоводства, – невозмутимо закончил Чарли. – На случай, если инструкции на упаковке некоторых опасных растений будут написаны на нем.

– А на какой случай ты носишь и штаны знатного человека?

– Чтобы отвлечь на себя наемных убийц, когда они придут к сыну герцога.

– Ну, допустим... Но почему тогда ты снял кольцо с печаткой?

– Э-э-э... – протянул юноша, взглянув на свою руку. Затем он посмотрел на Локон. – Наверное, просто для того, чтобы ты не принимала меня за другого. За того, кем я не

хочу быть.

За словами последовала робкая улыбка, которая говорила: «Пожалуйста, согласишься со мной, Локон». Потому что сын герцога не может запросто общаться с мойщицей окон. А дворянин, притворяющийся простолюдином, чтобы узнать получше своих подданных? Это же в порядке вещей! В сказках такое случалось столько раз, что давно уже стало клише.

– Что ж, – сказала наконец Локон, – звучит правдоподобно.

– А теперь, – Чарли взял недоеденный пирог, – расскажи, как прошел твой день. Я должен знать все до мельчайших подробностей.

– Я ходила на рынок за продуктами, – принялась рассказывать Локон, заправив выбившуюся прядь за ухо. – Купила кусок лосося с острова Эрик, где много озер. Полони счел его испортившимся и отдал задешево, но на самом деле испортилась рыба в другой бочке. Так что я получила фунт отличного лосося практически задаром.

– Подумать только, – вздохнул Чарли. – Никто не устраивает переполох, когда ты приходишь с визитом. Никто не зовет детей, чтобы ты пожимал им руки... Расскажи что-нибудь еще, пожалуйста. Например, как ты поняла, что рыба не протухла?

Поощряемая подобными вопросами, Локон продолжила рассказ о своей повседневной жизни. Так бывало при каж-

дой встрече с Чарли. И он слушал очень внимательно, что лишний раз доказывало: его болтливость – не порок. По какой-то непостижимой для Локон причине Чарли находил ее жизнь интересной.

Повествуя о своей рутине, Локон чувствовала, как тепло разливается по телу. Это происходило всякий раз, когда она навещала Чарли в отцовском замке, потому что тот стоял высоко, ближе к солнцу. Конечно же, здесь было теплее, чем где-либо еще на острове.

Вот только сейчас солнце пряталось за лунной и воздух был на несколько градусов прохладнее, чем обычно в это время дня. Локон ощутила усталость от лжи, которую внушала себе. Ей тепло вовсе не от солнца, а от очередной улыбки на лице юноши. И от улыбки на ее собственном лице.

Чарли внимательно слушал Локон не только потому, что интересовался жизнью простых людей.

Локон пришла навестить Чарли не только потому, что ей были интересны его рассказы.

Вообще-то, на самом глубинном уровне это история не о чашках и даже не о сказках. Это история о перчатках.

3. Герцог

Локон заметила, что перчатки помогают ей лучше справиться с повседневными обязанностями. Конечно, если это добротные перчатки, из мягкой кожи, что плотно облегает каждый палец. Такие нужно как следует смазывать маслом и не оставлять на солнце, и они никогда не утратят мягкости. Они настолько удобны, что вы, идя мыть руки, с удивлением обнаруживаете, что они все еще на вас.

Добротные перчатки – незаменимая вещь. И Чарли очень напоминал Локон добротные перчатки. Чем больше времени она проводила с этим юношей, тем более удачным казалось это совместно проведенное время. Чем четче становились лунные тени, тем меньше весила ее ноша. Локон любила интересные чашки еще и потому, что каждая из них давала повод для встречи с Чарли.

То, что возникло между ними, было таким прекрасным, таким чудесным, что Локон боялась называть это любовью. Судя по словам сверстников, любовь опасна, ведь где она, там и ревность, и неуверенность в себе, и пылкие ссоры, и еще более пылкие примирения. Такая любовь совсем не похожа на хорошие перчатки, она куда сильнее смахивает на раскаленный уголь, норовящий обжечь руку.

Любовь всегда пугала Локон. Но когда Чарли снова накрыл ее кисть своей ладонью, девушка вдруг вспыхнула, как

от огня. Должно быть, любовь – это все же раскаленный уголь, просто укрощенный, как в прочной печи.

Девушке захотелось окунуться с головой в жар любви, отбросив всякую логику.

Чарли замер. Конечно, они и прежде касались друг друга, но сейчас все было иначе. Момент. Мечта. Юноша покраснел, но руку не отдернул. А когда наконец поднял ее, то смущенно провел пальцами по волосам, застенчиво улыбаясь. Поскольку это был Чарли, жест не испортил момент, а скорее наоборот – сделал его приятнее.

Локон силилась подобрать правильные слова. Существовало множество вариантов, которые помогли бы ей извлечь выгоду из этого момента.

Она могла бы сказать: «Чарли, давай немного пройдемся» – и вновь протянуть ему руку.

Она могла бы сказать: «Помоги мне, Чарли, я задыхаюсь. От одного взгляда на тебя спирает дыхание».

Она могла бы сказать даже нечто совершенно безумное, например: «Ты мне очень нравишься, Чарли».

Вместо всего этого Локон произнесла:

– Ух, какие теплые у тебя руки, – а затем засмеялась и поперхнулась воздухом, отчего ее смех по чистой случайности стал похож на крик морского слона.

Можно сказать, что и Локон любила поиграть со словами. И тоже нередко им проигрывала.

В ответ Чарли одарил ее очередной улыбкой. Чудесная и

незнакомая, эта улыбка с каждой секундой становилась увереннее. «Кажется, я люблю тебя, Локон, и крик морского слона этому не помеха» – вот что говорила эта улыбка.

Девушка улыбнулась в ответ. И тотчас в окне замка позади юноши она заметила герцога – высокого, с военной выправкой. Даже одет он был на военный манер: мундир как будто приколот к телу многочисленными медалями.

Герцог не улыбался.

Локон лишь единожды видела улыбку на лице герцога, когда наказывали старого Лотари – бедняга пытался улизнуть с острова, спрятавшись на торговом судне. В отличие от улыбок сына, улыбки герцога, по мнению девушки, не отличались разнообразием. Должно быть, Чарли расходовал квоту всей семьи. Но хотя улыбался герцог крайне редко, он не упускал случая показать зубы.

Герцог вскоре растворился в тени здания, но Локон все еще ощущала его присутствие, когда прощалась с Чарли. Спускаясь по ступенькам, девушка ожидала услышать крики за спиной. Но вместо них в воздухе повисла напряженная тишина, как после вспышки молнии.

Она преследовала Локон до самого дома. Девушка пробормотала родителям что-то насчет усталости и прошмыгнула в свою комнату, чтобы там дожидаться окончания этой тишины. Она трепетала при мысли, что вот-вот в ее дверь постучат солдаты и потребуют объяснить, как посмела простая мойщица окон прикоснуться к сыну герцога.

Однако никто не постучал, и Локон пришла к выводу, что придала выражению лица хозяина острова слишком большое значение. Но затем она вспомнила странную улыбку герцога – и всю ночь не могла сомкнуть глаз, беспокойно ерзая в постели.

Рано утром она встала, собрала волосы в хвост и поплелась на рынок, чтобы перебрать кучу лежалого товара в поисках чего-нибудь пригодного для стряпни и приемлемого для ее кармана. Несмотря на ранний час, на рынке было довольно многолюдно. Пока одни сметали с тропинок мертвые споры, другие собирались небольшими компаниями, чтобы оживленно поболтать.

Локон прислушивалась к разговорам, разумно полагая, что никакие новости не могут быть дурнее предчувствий, мучивших ее всю ночь.

Она ошибалась.

Утром герцог объявил, что вместе с семьей он сегодня же покинет остров.

4. Сын

Покинуть остров?!

Но местным запрещено покидать остров!

Впрочем, логика подсказывала Локон, что запрет касается далеко не всех. Королевские чиновники имеют свободу передвижения. Герцог время от времени уплывал, чтобы отчитаться перед королем. И потом, он ведь как-то заслужил все эти причудливые медали – вероятно, занимаясь уничтожением чужеземцев, не совсем непохожих на обитателей Скалы. Наверняка герцог проявил стойкость и героизм в ходе этих войн. Ведь большинство сражавшихся вместе с ним солдат погибло, а он остался жив.

Но никогда прежде герцог не брал с собой семью.

«Герцогский наследник достиг совершеннолетия, – говорилось в объявлении, – и должен быть представлен принцессам цивилизованных морей для женитьбы на одной из них».

Локон была практичной юной особой. И потому лишь на мгновение ее охватило желание в отчаянии швырнуть корзинку наземь и растоптать ее содержимое. Лишь на краткий миг девушка задалась вопросом, позволительно ли ей грязно выругаться во весь голос. Лишь на долю секунды ее посетила идея пойти в замок и потребовать, чтобы хозяин пересмотрел свое решение.

Вместо всего этого она продолжила оцепенело выполнять

привычные действия, чтобы придать некое подобие нормальности своей стремительно рушащейся жизни. Локон выудила из кучи отбросов чеснок, который еще мог на что-то сгодиться, несколько не слишком жухлых картофелин и даже немного пшеницы, не сожранной долгоносиками, – наиболее крупных жуков удавалось отделять от зерен.

Еще вчера Локон была бы весьма довольна таким уловом. Сегодня же она не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме Чарли.

Это так мучительно несправедливо! Не далее как вчера Локон призналась себе в своих чувствах, а уже нынче ее мир перевернулся вверх тормашками. Да, она знала, что может быть больно. Любовь и боль ходят рука об руку. Локон представлялось, что эта боль – как соль в чае. Но разве там не должна быть еще и капелька меда? Разве в любви не должно быть – робко мечтала она – страсти?

Выходило, что девушка получала все минусы романтического увлечения без каких бы то ни было плюсов.

К сожалению, ее практичность уже давала о себе знать. Пока Локон и Чарли притворялись, реальный мир не имел никаких прав на их чувства. Но дни притворства миновали. Чего она, собственно говоря, ждала? Что герцог позволит сыну жениться на мойщице окон? Что могла бы Локон предложить такому человеку, как Чарли? Она же никто. И уж точно рядом не стояла ни с одной принцессой. Ведь принцессы могут себе позволить гораздо более обширную кол-

лекцию чашек!

В идеальном мире брак всегда зиждется на любви. В реальном мире фундаментом любого брака является политика. Это слово наполнено огромным количеством смыслов, хотя большинство из них сводится к следующему: политика – это то, что обсуждают знатные и (пусть и неохотно) богатые. Не простолюдины.

Закончив с покупками, Локон отправилась домой, где надеялась обрести сочувствие в лице своих родителей. Но похоже, герцог не терял времени даром – к порту уже выстроилась целая процессия челяди.

Девушка свернула с привычного пути и приткнулась в самый конец процессии; слуги уже начали грузить вещи семьи на торговый корабль. Никто не имеет права покинуть остров, если только этот никто не... кое-кто. Локон боялась, что ей не удастся поговорить с Чарли до его отплытия. Потом девушка забеспокоилась, что, даже если такая возможность и появится, юноша не захочет ее видеть.

К счастью, Локон заметила Чарли немного в стороне от процессии – он явно искал кого-то в толпе. Едва заметив девушку, устремился к ней.

– Локон! – воскликнул он. – О луны! Я переживал, что не увижу тебя до отплытия.

– Я... – Локон не знала, что сказать.

– О прекрасная дева! – Чарли отвесил ей поклон. – Я вынужден с вами проститься.

– Чарли, – мягко ответила Локон, – не пытайся быть тем, кем ты не являешься. Я ведь знаю, кто ты на самом деле.

Чарли слегка поморщился. Он был в дорожном плаще и шляпе. Герцог считал, что шляпу допустимо носить исключительно в путешествиях.

– Локон, – так же мягко произнес юноша, – боюсь, я солгал тебе. Видишь ли... никакой я не садовник. Я... хм... сын герцога.

– Поразительно! Кто бы мог подумать, что садовник Чарли и наследник герцога Чарльз – одно и то же лицо! Учитывая, что они ровесники, выглядят одинаково и носят неотличимую одежду?

– В общем, все верно. Ты злишься?

– Злость ждет в очереди, – ответила Локон. – Седьмая по счету, между замешательством и усталостью.

Девушка заметила, что отец и мать Чарли уже поднялись на корабль. Слуги последовали за ними с последним багажом.

Чарли потупил взор:

– Похоже, меня собираются женить. На принцессе какой-нибудь страны. Что ты об этом думаешь?

– Я... – Что она должна была ответить? «Желаю тебе счастья»?

Чарли поднял глаза и встретился с Локон взглядом.

– Всегда, Локон, – ответил он. – Помнишь?

Не без труда, но Локон разыскала нужные слова, забив-

шиеся в уголок разума.

– Я бы не хотела... – Девушке удалось подцепить слова языком. – Я бы не хотела, чтобы ты так поступил... Не хотела бы, чтобы ты женился на другой.

– Ух ты! – заморгав от удивления, воскликнул Чарли. – Не шутишь?

– Ну... я уверена, что все они очень милые. Эти принцессы.

– Полагаю, это прописано в их должностных инструкциях, – сказал Чарли. – Вроде того, что они обычно делают в сказках. Воскрешают земноводных, сообщают родителям о том, что дитя намочило постель. Нужно быть довольно добрым человеком, чтобы оказывать подобные услуги.

– И все равно... – девушка глубоко вздохнула, – я бы предпочла, чтобы ты не женился на ком-нибудь из них.

– Что ж, тогда и не женюсь, – кивнул он.

– Не думаю, что у тебя есть выбор, Чарли. Твой отец хочет, чтобы ты женился. Это политика.

– Да, но, видишь ли, – он взял девушку за руки и наклонился к ней, – у меня есть секретное оружие.

Локон заметила, что отец юноши поднялся на бак и теперь хмуро смотрит вниз. Чарли в ответ криво улыбнулся. Его улыбка говорила: «Учти, я довольно коварен». Чарли пользовался ею, когда ему доставало храбрости на какое-нибудь коварство.

– Что еще за секретное оружие, Чарли? – спросила Локон.

– Я могу быть невероятно скучным.

– Это не оружие.

– На войне оно вряд ли пригодится, спору нет. Но при сватовстве... разит не хуже самой острой рапиры. Ты же знаешь, что я могу болтать часами. Днями. Неделями.

– Мне нравится твоя болтовня, Чарли. И я даже не против, чтобы ты болтал недели напролет.

– Ты – особый случай, – сказал Чарли. – Ты... Как бы глупо это ни звучало, Локон, но ты как перчатки.

У Локон перехватило дыхание.

– Я... как что? – переспросила она, не веря ушам.

– Как перчатки, – повторил юноша. – Не обижайся. Видишь ли, если перед тренировкой с мечом я надеваю перчатки, то...

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – прошептала девушка.

С корабля донесся крик – это герцог велел Чарли потопрапливаться. И тут Локон поняла: как у Чарли есть разные улыбки, так у его отца – разные хмурые взгляды. И сейчас хмурый взгляд явно говорил что-то нехорошее о ней.

Чарли сжал руки девушки.

– Послушай, Локон, – торопливо зашептал он, – обещаю тебе, что не женюсь ни на ком. Я намерен посетить все заморские страны, но при этом буду до того скучен, что ни одна принцесса не захочет взять в мужья такого зануду. У меня мало что получается действительно хорошо. Я не выиграл

ни одного очка у отца в спаррингах. Я непременно пронесу ложку с супом мимо рта на официальном приеме. Я так много болтаю, что даже мой лакей, которому платят, чтобы слушал, выдумывает различные причины, лишь бы не терпеть до конца. На днях я рассказывал ему историю о рыбе и чайке, а он притворился, будто уколол палец на ноге...

Раздался новый окрик.

— У меня получится, Локон, — твердо произнес Чарли. — Из каждой страны я буду присылать чашку, хорошо? Как только я смертельно наскучу очередной принцессе и отец решит, что нам нужно плыть дальше, я отправлю чашку. В подтверждение того, что план работает. — Он вновь сжал ее руки. — Я иду на это не только потому, что ты слушаешь мою болтовню. Еще и потому, что ты понимаешь меня, Локон. Ты всегда могла разглядеть во мне то, что оставалось невидимым для других.

Чарли повернулся, чтобы ответить на зов отца. Локон держала его за руки, не желая, чтобы он покинул ее.

Чарли одарил ее последней улыбкой. И хотя он пытался казаться увереннее, чем был на самом деле, Локон знала все его улыбки. В этой звучал неуверенный вопрос, полный надежды и беспокойства.

— Для меня ты тоже как хорошие перчатки, Чарли, — сказала Локон.

После этого пришлось отпустить его руки, чтобы он мог подняться по сходням. Ей не хотелось показаться слишком

навязчивой.

Герцог заставил сына спуститься на нижнюю палубу. Корабль соскользнул с мертвых серых спор, окружавших Скалу, в океан. Ветер надул паруса, и судно понеслось к горизонту, оставляя за собой след в изумрудной пыли. Локон, вернувшись домой, наблюдала с уступа за кораблем, пока тот не стал размером с чашку. Затем с крупинку. А затем и вовсе исчез за горизонтом.

И началось ожидание.

Говорят, что ожидание – самая мучительная из жизненных мук. Говорят так главным образом писатели, которым больше нечего делать, кроме как убивать время в размышлениях о том о сем. Любой человек, занятый настоящим делом, скажет вам уверенно, что ждать сложа руки – для него непозволительная роскошь.

Локон приходилось мыть окна. Приходилось готовить. Приходилось присматривать за младшим братом. Лем, ее отец, так и не оправился после несчастного случая на шахте. И хотя он старался быть полезным, у него это получалось плохо, ведь он едва ходил. Поэтому он помогал Ульбе, матери Локон, вязать носки на продажу морякам. Но пряжа стоила так дорого, что прибыль была мизерной.

Поэтому Локон не тратила времени на простое ожидание. Она трудилась и ждала.

Все же девушка испытала огромное облегчение, когда по-

лучила первую чашку от Чарли. Доставил ее юнга Хойд³. (Да, это я. Что вас насторожило? Может, дело в имени?) Красивую фарфоровую чашку, без единой трещинки.

В тот день мир словно озарился новым светом. Локон живо представляла себе поведение Чарли, читая вложенное в посылку письмо, в котором подробно описывались чувства первой принцессы. С героической монотонностью Чарли перечислял звуки, которые издавал его желудок по вечерам в зависимости от позы, принимаемой юношей. Поскольку этого оказалось недостаточно, Чарли поведал бедняжке, как бережно он хранит обрезки ногтей с ног и какие имена он им дал.

«Борись, мой любимый болтун, – подумала Локон, моя окна в замке на следующий день. – Будь храбрым, мой странноватый воин».

Вторая чашка была высокой и узкой, сделанной из чистого красного стекла. На вид она казалась вместительнее, чем на самом деле. Наверняка она прежде служила в какой-нибудь бедной таверне. Принцессу Чарли отпугнул подробнейшим рассказом о том, что он ел на завтрак, с классификацией кусочков яичницы-болтуны по форме и размеру.

Третий подарок был не чашкой, а внушительного разме-

³ Согласно Архиву Буресвета, Хойд, или королевский Шут, – путешественник между мирами, трикстер, появляющийся во всех книгах вселенной космера. Хойд – не настоящее имя, Шут украл его у того, кого когда-то любил. Хойд является вторым самым старым персонажем в мире космера (после Фроста). Его истинная личность и природа пока не раскрыты.

ра и веса оловянной кружкой. Возможно, она происходила из тех придуманных Чарли мест, где люди вынуждены не расставаться с оружием. Локон предположила, что такой посудиною вполне можно оглушить врага. Принцесса не выдержала обстоятельной лекции о преимуществах различных знаков препинания, в том числе существующих лишь в воображении сына герцога.

К четвертой посылке прилагалась карточка, на которой не было написано ни слова, но имелся рисунок: две руки в перчатках, держащиеся друг за друга. На чашке была изображена бабочка, парящая над красным океаном. Локон показалось странным, что бабочка не испугалась спор. Может, это пленница, вынужденная лететь над океаном навстречу гибели?

Пятая чашка не пришла.

Локон пыталась убедить себя, что посылка просто потерялась. В конце концов, с кораблем, плывущим по спорам, может случиться всякое. Пираты там или... знаете ли... собственно споры.

Но месяцы тянулись один за другим, и каждый последующий был томительнее предыдущего. Всякий раз, когда к острову причаливал корабль, Локон спрашивала, нет ли на борту посылки для нее.

Но увы.

И вот прошел целый год с того дня, как Чарли с семьей покинули остров. Лишь тогда пришло извещение (и не лич-

но Локон, а всему городу) о том, что герцог наконец-то возвращается на Пик Диггена вместе с женой, наследником... и невесткой.

5. Принцесса-невеста

Локон сидела на крыльце в обнимку с матерью и смотрела на горизонт. В руках девушка держала последнюю присланную Чарли чашку. С бабочкой-самоубийцей.

Теплый чай был с привкусом слез.

– Любовь такая непрактичная штука, – пожаловалась Локон.

– Любовь редко бывает практичной, – отозвалась Ульба.

Мать была полновата и жизнерадостна. Еще пять лет назад она была тощей как тростинка. Но, узнав, что мама отдаст часть своей еды дочери и сыну, Локон стала сама ходить за покупками, и семейного бюджета с тех пор хватало на больший срок.

На горизонте появился корабль.

– Я наконец поняла, что должна была сказать ему. – Локон убрала волосы с лица. – На прощанье. Я тогда сравнила его с добротными перчатками. Ничего тут странного нет – еще раньше он сам сказал, что я похожа на перчатки. Целый год я размышляла и поняла, что могла бы сказать кое-что еще.

Мать сжала плечо дочки, когда корабль почти вплотную приблизился к острову.

– Я должна была признаться, – прошептала Локон, – что люблю его.

Девушка двинулась к порту бравой походкой солдата

авангарда под пушечным огнем; мать не отставала. Отец, с его больной ногой, остался дома, и Локон это вполне устраивало. Она боялась, что Лем закатит скандал, — очень уж нелестно он отзывался о герцоге и его сыне в последние месяцы.

Локон не находила в себе сил, чтобы обвинять Чарли в чем бы то ни было. Не его вина, что он родился в семье герцога. Подобное могло случиться с кем угодно.

Собралась большая толпа. В объявлении герцога говорилось, что он хочет устроить праздник по случаю своего возвращения: будут бесплатные яства и напитки. Какого бы мнения ни были люди о новой герцогине, упускать шанс выпить задарма они не собирались. (Важный секрет популярности — подарки. Второй важный секрет популярности — власть, позволяющая рубить головы тем, кто вам несимпатичен.)

Локон с матерью примкнули к толпе и вскоре заметили, что пекарь Холмс машет им рукой. Он предлагал женщинам встать рядом, чтобы лучше видеть происходящее. Добряк Холмс всегда припасал горбушки для Ульбы и отдавал их за гроши.

Девушке было отлично видно палубу корабля, и первой там появилась принцесса. Она была прекрасна: розовые щеки, блестящие волосы и тонкие черты лица. Ну прямо само совершенство: лучший художник в мире не смог бы ничего добавить в ее портрет, чтобы сделать его лучше оригинала.

Чарли наконец-то стал персонажем сказки.

Сделав над собой усилие, Локон порадовалась за него.

Следующим на палубу вышел герцог. Он махнул рукой толпе, давая понять, что сейчас самое время для восторженных возгласов.

– Я представляю вам, – прокричал он, – своего наследника!

Молодой мужчина поднялся на палубу и стал рядом с принцессой. Вот только это определенно был не Чарли.

Юноша был почти ровесником Чарли, но ростом шесть с половиной футов и с таким мужественным подбородком, что многие мужчины в толпе засомневались в собственной мужественности. А мускулы-то, мускулы! Когда он поднимал руку в приветственном жесте, Локон могла бы поклясться, что слышала, как швы рубашки взмолились о пощаде.

Во имя двенадцати лун, кто это вообще такой?!

– После того как в моей семье случилось несчастье, – объявил герцог притихшей толпе, – я вынужден был усыновить Дирку, моего племянника, и назначить его наследником. – Он дал людям время осознать услышанное. – Этот юноша отлично фехтует, – продолжил герцог, – и отвечает на вопросы одной фразой. Иногда даже одним словом! Кроме того, он герой войны, потерял десять тысяч солдат в битве при Отхожем озере.

– Десять тысяч? – переспросила Ульба. – О луны! Это ведь очень много!

– Сегодня мы отмечаем свадьбу Дирка и принцессы Дремании! – прокричал герцог, высоко воздев руки.

Толпа молчала, все еще пребывая в замешательстве.

– Я привез вам тридцать бочонков вина! – сообщил герцог.

Только теперь раздались аплодисменты.

Итак, праздник начался. Горожане двинулись к пиршественному залу. Они восхищались красотой принцессы и удивлялись тому, как хорошо Дирк сохраняет равновесие при ходьбе, учитывая, что его центр тяжести, должно быть, располагается где-то в верхней части торса.

Мать заверила Локон, что на празднике та наверняка получит ответы на свои вопросы, а потому женщины последовали за толпой. Однако, когда Локон оправилась от шока, она заметила, как ей кто-то машет с причала. Это был Флик, слуга герцога, – добряк с такими огромными ушами, что казалось, они только и ждут возможности наполниться ветром, оторваться и улететь.

– Флик, что произошло? – тихо спросила девушка, пробившись сквозь толпу. – Что за несчастье? Где Чарли?!

Флик взглянул на вереницу людей, тянущуюся к пиршественному залу. Герцог с семьей присоединился к гостям; он теперь находился далеко, так что его хмурые взгляды теряли свою силу из-за сопротивления ветра и перепада высот.

– Он просил передать вам это. – Флик протянул девушке мешочек.

Когда девушка взяла мешочек, внутри брякнуло. Судя по звуку, керамические осколки.

Пятая чашка.

– Он так старался, мисс Локон, – прошептал Флик. – О, вы бы видели молодого господина. Он сделал все, что мог, чтобы отвести этих девиц. Он запомнил восемьдесят семь сортов фанеры и все способы их применения. Он обстоятельно рассказывал каждой принцессе, к которой его сватали, о питомцах, что были у него в детстве. Он даже говорил о... религии. Я думал, ему придется жениться на принцессе из пятого королевства, потому что она была глухой, но молодой господин и тут не растерялся – за обедом его вырвало.

– Вырвало? – изумленно переспросила Локон.

– Прямо на колени принцессе, мисс Локон. – Флик огляделся по сторонам, дал девушке знак следовать за ним, взял с причала какой-то багаж и понес его в более уединенное место. – Но его отец в конце концов догадался, мисс Локон. Понял, чего добивается молодой господин. Герцог страшно разозлился, будто с ума спятил. – И Флик кивнул на мешочек в руках Локон.

– Понятно, но что же все-таки случилось с Чарли? – спросила девушка.

Флик опустил глаза.

– Пожалуйста, ответь! – взмолилась Локон. – Где он сейчас?

– Отправился в Полночное море, мисс Локон, – грустно

ответил слуга. – Прямо под Танасмиеву луну. И там его сцапала Колдунья.

У Локон по спине пробежал холодок. Полуночное море? Владения Колдуньи?

– Зачем ему понадобилось плыть к Колдунье? – растерянно осведомилась девушка.

– Ну... э-э-э... видать, отец заставил. Колдунья ведь не за мужем. И король уже давно мечтает ее как-нибудь обезвредить. Так что...

– Король отправил Чарли свататься к Колдунье?

Флик не ответил.

– Нет, – наконец догадалась Локон. – Он послал Чарли на верную смерть.

– Я ничего такого не говорил! – испуганно зачастил Флик. – Если кто-нибудь спросит, я ничего такого не говорил!

Ошеломленная, Локон присела на причальную тумбу. Она прислушалась к шелесту спор – звук напоминал шуршание песка. Даже на таком отдаленном острове, как Скала, знали о Колдунье. Ее корабли периодически совершали рейды к границам Изумрудного моря, и противостоять этой армаде было невероятно трудно. Свою крепость Колдунья спрятала где-то в Полуночном море, наиболее опасном из всех двенадцати морей. Чтобы добраться туда, нужно пересечь Багряное море, чуть менее смертоносное, чем Полуночное, но совершенно необитаемое.

Узнать о том, что Чарли пленила Колдунья, – все равно что узнать о его путешествии на какую-нибудь луну. Но нельзя же поверить на слово одному человеку. В столь серьезном вопросе – нельзя. Девушка не осмеливалась беспокоить расспросами других слуг, но прислушалась к их разговорам с портовыми рабочими, спешившими разгрузить корабль и принять участие в празднике. Все слуги на разные лады пересказывали историю Флика: Чарли действительно отправили в Полночное море; решение принято герцогом совместно с королем; так что, видать, идея-то неплохая – кто-то должен дать Колдунье укорот; и Чарли... э-э-э... очевидный выбор по определенным причинам.

Услышанное привело Локон в ужас. Герцог с королем поняли, что добиться от юноши подчинения невозможно, и решили избавиться от него! Дирк был назначен наследником через несколько часов после того, как пришла весть об исчезновении корабля Чарли.

В глазах знати это элегантное решение проблемы. У герцога наконец-то появился наследник, которым он может по-настоящему гордиться. Король получил выгодный брачный союз с принцессой из другого королевства. А Колдунья теперь повинна еще в одной смерти, так что общество получило лишний повод для войны с ней.

Три дня спустя Локон наконец осмелилась обратиться к Бранвику, управляющему имением герцога, с просьбой рассказать все, что ему известно на данный момент. По досто-

инству оценив кулинарный талант девушки, Брансвик признался, что от Колдуньи пришло письмо с требованием выкупа. Но мудрый герцог заподозрил, что это уловка, чтобы заманить больше кораблей в Полночное море. Король официально объявил Чарли погибшим.

Еще несколько дней прошли как в тумане, поскольку девушка наконец осознала, что никому нет дела до случившегося. Люди считают это политикой. Хотя у нового наследника ума не больше, чем у размокшей горбушки, он популярен, красив и очень хорош в деле убийства других людей. В то время как Чарли... Собственно, Чарли – это Чарли.

Локон несколько недель собиралась с духом, прежде чем отправиться к герцогу с просьбой заплатить выкуп. Такой смелый шаг дался ей нелегко. Она не была трусихой, но навязываться людям... Это было противно самой ее природе. Однако в этом решении Локон поддержали ее родители, и она, в очередной раз взобравшись по тропинке к замку, спокойно высказала его хозяину свою просьбу.

Герцог обозвал ее шлюхой с патлами лещинного цвета и запретил мыть окна не только в замке, но и вообще в городе. Локон была вынуждена вязать носки вместе с родителями, что значительно сократило семейный бюджет.

Шли недели, и Локон впала в нечто вроде летаргического сна. Она чувствовала себя не человеческим существом, а человеком, который влачит существование.

Остальные обитатели Скалы быстро вернулись к обычной

жизни. Никто не собирался ничего предпринимать, им было все равно.

Спустя два месяца после возвращения герцога девушка приняла решение. Ей-то не все равно, и она должна что-то предпринять. Локон не из тех, кто свои беды перекладывает на чужие плечи.

Она решила, что сама спасет Чарли.

Часть 2

6. Инспекторша

Сделав выбор, Локон испытала громадное облегчение – будто наконец сумела распутать упрямую прядь волос.

Она сделает это. Пусть сейчас понятия не имеет, как хотя бы выбраться с острова, но она обязательно пересечет ужасное Багряное море, войдет в Полночное и спасет любимого. Да, каждая из этих задач выглядит невыполнимой. Но почему-то не такой невозможной, как попытка прожить остаток жизни без Чарли.

Однако прежде всего Локон решила поговорить с родителями. (Хотелось бы, чтобы герои подобных историй поступали как Локон.) Она усадила обоих за стол, рассказала о своей любви к Чарли, о намерении ему помочь, а также об опасениях, что ее отсутствие может причинить семье определенные трудности.

Родители выслушали молча. Отчасти молчание объяснялось тем, что Локон испекла пироги с перепелиными яйцами. С набитым ртом гораздо труднее возражать против временного помешательства дочери.

Как только Локон закончила говорить, Лем попросил добавки. Похоже, чтобы понять услышанное, одного пирога

ему было мало. А вот Ульба съела только половину своего пирога, после чего откинулась на стуле. То есть для осознания всего масштаба бедствия ей хватило половины порции?

Отец принялся за второй пирог с нарочитой осторожностью: откусил сначала сверху, затем прогрыз середину и двинулся к краям, приберегая корочку на потом. Наконец Лем доел и уткнулся взглядом в тарелку. Неловкая пауза затягивалась.

Может, ему требуется аж три пирога, чтобы переварить рассказ дочки?

– Я вот что думаю, – сказал Лем, поворачиваясь к Ульбе. – Не будем ее отговаривать.

– Но это же чистой воды безумие! – воскликнула мать. – Покинуть остров? Отправиться в Полночное море? Украсть пленника у Колдуньи?

Лем взял салфетку и стряхнул ею крошки с усов.

– Ульба, разве ты не считаешь нашу дочь более практичной, чем мы?

– Ну, в нормальных обстоятельствах я бы с тобой согласилась.

– И более рассудительной?

– Она всегда подумает, прежде чем что-то делать, – согласилась мать.

– Как часто она навязывается людям с просьбами?

– Почти никогда.

– Следовательно, – подвел итог отец, – ее решение пра-

вильное. Наверняка она перебрала все варианты. Покинуть остров ради спасения любимого? Это может показаться безумием, но если все остальные варианты отброшены, то безумие может быть и практичным.

Локон вся затрепетала. Так отец не против?

– Локон, – Лем подался вперед, положив некогда сильные руки на стол, – мы позаботимся о твоём брате и о себе. Пожалуйста, не беспокойся; ты чересчур о нас печешься. Но никто из семьи не сможет составить тебе компанию. Ты это понимаешь?

– Да, отец, – кивнула Локон.

– Мне всегда казалось, что наш остров слишком мал для таких, как ты, – заключил Лем.

Локон нахмурилась.

– Тебя что-то смутило в моих словах? – спросил он.

– Не хочу показаться грубой.

– Тогда говори – молчание станет ещё большей грубостью.

Нахмурившись ещё сильнее, Локон спросила:

– Отец, почему ты считаешь, что остров слишком мал для таких, как я? Во мне нет ничего необыкновенного. Если на то пошло, это я слишком мала для острова.

– Все в тебе необыкновенно, Локон, – возразила мать. – Вот почему ничто в отдельности не бросается в глаза.

Что ж, родителям положено так считать. Они должны видеть лучшее в своих детях, иначе жизнь с маленькими социопатами сведет их с ума.

– Значит, я получила ваше благословение? – на всякий случай уточнила Локон.

– Я все же считаю это ужасной идеей, – вздохнула Ульба.

– И ты права, – согласился Лем. – Но ужасная идея, блистательно воплощенная, лучше блистательной идеи, воплощенной ужасно. Взять хотя бы пеликанов.

– Верно говоришь, – кивнула мать. – Но способны ли мы совершить нечто блистательное?

– Нет, – сказала Локон. – Но быть может, если мы совершим много маленьких поступков, все вместе они покажутся блистательными тому, кто нас не знает.

Затем все трое взялись за дело. Локон прекрасно понимала, что Чарли в плену, скорее всего, несладко, но решила не торопиться. Раз уж она вознамерилась совершить такую глупость, как побег с острова, то прежде всего необходима осторожность. Возможно, последняя разбавит глупость, подобно тому как хорошей мукой разбавляют лежалую.

Прихватив вязанье, Локон шла к прибрежному обрыву, чтобы наблюдать за приходящими и уходящими кораблями. Ульба теперь устраивалась вязать носки за столом возле пристани. По вечерам мать и дочь обсуждали добытые сведения, а Лем слушал и высказывал собственное мнение.

Локон всегда интересовалась судовождением, а теперь появилась возможность вникнуть в нюансы этого ремесла. Разумеется, в первую очередь она выясняла поведение моряков. Высадившись на берег, те шли за покупками или осе-

дали в тавернах. В этом отношении Скала ничем не выделялась, разве что пиво, которое варил Брик, славилось в окрестных морях. Когда щедро зальешь этого пива в брюхо, прочие радости жизни доставят куда больше удовольствия.

Кроме моряков, право регулярно покидать Скалу имели королевские чиновники. К их числу принадлежали не только герцог со всей семьей, но и другие администраторы, такие как сборщики налогов, посланники и инспекторы. Аристократы, посещавшие Скалу, тоже могли уплыть в любой момент. Обычно они так и поступали, едва осознав, насколько опрометчивым было решение заявиться на Пик Диггена.

Самую большую проблему представляла собой инспектор портового контроля. Эта суровая женщина проверяла грузовые декларации и осматривала трюмы на наличие зайцев. Хотя мало кому нравилось жить на Скале, остров мог кое-что предложить жителям других морей. Соль из шахт, отменное пиво и даже пух и перья чаек.

Островитяне имели право продавать все это только морякам с кораблей, получивших особое королевское разрешение. Его наличие и проверяла портовый инспектор. Обладательница сей должности приступила к своим обязанностям в начале года. Она категорически отказывалась открыть свое имя, требуя, чтобы ее называли просто инспектором. Женщина была уверена, что не задержится на Пике Диггена, а потому не видела смысла в разглашении личной информации.

Не было на памяти Локон более строгого инспектора в порту. Эта особа всегда носила палку и пускала ее в ход по малейшему поводу. Сущая мегера. Как будто ее не родили, а выродили, и потом она не росла, а метастазировала.

Локон вместе с матерью часами украдкой изучала работу инспекторши: как та взвешивала мешки с перьями и в поисках безбилетников прокалывала до дна содержавшуюся в бочках соль. Но не любую тару можно вскрыть без риска испортить товар. Что, если человек спрячется в бочке с пивом? А оставшийся объем заполнит солью или чем-нибудь, по весу и плотности похожим на жидкость?

К сожалению, инспекторша предусмотрела и такой вариант. У нее имелась штуковина, похожая на стетоскоп. Поговаривали, что она обладает феноменальным слухом и способна уловить даже сердцебиение нарушителя.

Существует ли вообще способ сбежать с острова при таком строгом досмотре?

Однажды ночью, спустя две недели после того, как Локон решила отправиться на поиски Чарли, она перелистывала свой блокнот, полный безумных идей. В небе ярко светила Изумрудная луна, как всегда стоически неподвижная. Где-то вдалеке падали споры – как будто светящиеся кристаллы сыпались с небесного тела.

Лем, прихрамывая, подошел к дочери, сел рядом и дал знак показать записи. Внимательно прочитав, он сказал:
– Может получиться.

– Мочь-то оно может... – Локон протяжно зевнула, – но, скорее всего, не получится. Допустим, я обману толпу моряков, но мне нипочем не провести Брика, Гремми или Сора. Они обязательно заподозрят неладное.

Девушка потеряла глаза. Она готовила план побега, не тратя времени на сон, презрев усталость и беспокойство. (Беспокойство можно назвать падальщиком среди эмоций. Другие, более положительные эмоции, притягивают его, как поле боя притягивает ворон.)

– А зачем их обманывать? – спросил Лем. – Возможно, они захотят помочь.

– Я не могу просить их о помощи, – возразила Локон. – Что, если инспекторша меня разоблачит? Тогда моим помощникам не избежать неприятностей.

Лем понимающе кивнул. Разумеется, его дочь не могла ответить иначе. Он предложил ей лечь спать. У нее слипались глаза, и это кое о чем говорило, если учесть, сколько болтовни она выслушала от Чарли, даже ни разу не зевнув.

Когда Локон поднялась к себе, Лем взял трость, надел пальто и вышел из дому. Отцу предстояло доказать, что он достоин такой дочери.

7. Отец

Лем не был беден.

Вы можете возразить: «Хойд, но ведь все, что ты нам поведал, говорит об обратном. Семья Лема вечно экономит, чтобы свести концы с концами». И я вам отвечаю: «Пожалуйста, не перебивайте».

Лем не был беден. У него просто было мало денег.

Когда Локон отправилась спать, Лем, прихрамывая, спустился по длинной дороге к таверне Брика. Он точно знал, что застанет там Гремми и Сора. Ведь таверна открыта до двух часов ночи.

Было еще достаточно рано для привычного шума и веселья. Вечера в таверне, как вы знаете, подобны огню в очаге. Эти заведения живут двойной жизнью.

В одной жизни они полны шума и веселья, в них царит атмосфера праздника. Но на исходе вечера таверна наполняется холодом, темнотой и тишиной. Обитателям этой второй жизни нужно общество – но не общение.

Вторая жизнь должна была начаться еще не скоро, так что Лем увидел в таверне шахтеров, оживленно болтающих за игрой о своих будничных делах. Заметил он и Гремми с Сором – эти сидели вдвоем, как обычно. Портовый рабочий и начальник порта, два конца одного гвоздя. Гремми был приземист и плоскоголов; волосы подстрижены на самый деше-

вый манер. Сор редко упоминал о своем высоком статусе – опасался, как бы ему не пришлось платить за двоих. В отличие от Гремми, он был высоким и стройным. В таверне он всегда потягивал пиво, чтобы никто не догадался, что он может позволить себе вино.

Брик, конечно же, трудился за стойкой: чтобы ловить взгляды посетителей, ему приходилось забираться на табурет. Локон нуждалась в помощи всех троих, но Лем не подошел ни к одному из них. Вместо этого он встал рядом с мишенью для дротиков. Джул, собравшийся бросить дротик, предложил это сделать Лему. Тот с радостью согласился.

Дротик вонзился на несколько футов ниже мишени в доску, рядом с двумя сучками, где уже имелась тьма дырочек от таких же промахов.

Джул одобрительно хмыкнул и метнул, попав в доску рядом с дротиком Лема.

– Слышал, ты снова выручил Гремми, – сказал Лем перед своим вторым броском. – Очень правильный поступок.

Джул признательно кивнул.

Следующая игра была против Рода, старого тавернщика. К сожалению, Лему не удалось два броска. Первый дротик полетел так плохо, что даже попал в мишень. Однако третий вновь воткнулся около сучков.

– Недурно, Лем, – прокомментировал Род. – Должно быть, это трость помогает тебе не шататься. Сдается, после аварии ты стал играть намного лучше.

– Трости не помогают метать дротики, – возразил Лем. – Чего не скажешь о вынужденном безделье.

Род хмыкнул.

– Ты все еще помогаешь Брику с пивом по выходным? – спросил Лем.

– Чаще да, чем нет. – С этими словами Род сделал бросок.

Он отошел, уступив место другим игрокам, и пропустил две игры подряд. Подходя к доске, каждый игрок читал на лице Лема молчаливые вопросы.

Они вспомнили, как однажды вечером Лем помог в стельку пьяному Роду добраться домой. Еще он пособил Джулу в укладке новой черепицы на крышу, после того как старую сорвала буря. Подобных историй были десятки. Для этих людей Лем был как глубокий колодец, из которого всегда можно напиться чистой воды. Он предлагал свою помощь, ничего не требуя взамен. И не напоминал после о сделанном.

Если только ему не требовалось нечто исключительно важное.

Так что, пожалуй, с деньгами для уплаты налогов у Лема было туговато. Но если мерить состояние человека в той единственной валюте, которая имеет настоящую ценность, то Лем был сказочно богат.

В ту ночь по городу пополз слухок, что Лему что-то нужно от Гремми, Сора и Брика. Лем – человек без долгов – так сильно нуждается в этой услуге, что может даже попросить о ней. На языке таких людей это означало, что он молит о

помощи.

Лем продолжал метать дротики, причем довольно успешно. Дело в том, что целью был вовсе не центр мишени. Пару лет назад кто-то заметил, что группа сучков на доске очень похожа на человеческое лицо. А точнее, на лицо герцога, если представить, что древесные волокна – это его волосы, а мишень – фамильный герб на его груди.

И конечно же, под мишенью на стене имелись два сучка, примерно там, откуда растут ноги.

Лем сделал бросок, и стоявшие рядом мужчины поморщились, как от боли.

– Точнехонько, – отметил один из них.

В течение этой ночи был сведен баланс в невидимых grossбухах. Решения были приняты, но не озвучены – в этом не было необходимости. А утром, задолго до начала рабочего дня, Локон увидела на пороге своего дома троих: бармена, начальника порта и портового рабочего. Эти люди изъявили готовность помочь во всем, что бы она ни задумала.

Дней через десять Гремми доставил на пристань огромную бочку. Вместе с пятью точно такими же.

В тот день к Скале причалило идеальное для осуществления плана судно под названием «Мечта Ута». Оно не часто посещало Пик Диггена, и у капитана имелось королевское разрешение на покупку Брикова пива.

Матросы с «Мечты Ута» уже было взялись катить бочки, однако капитан хорошо помнил текст королевского разреше-

ния.

— Разве груз не положено досматривать? — осадил он подчиненных. — Без этого нас не выпустят из порта.

Вызвали инспекторшу. Вид у нее был настолько хмурый, что способен был убить споры, а рука сжимала палку, всегда готовую покарать нарушителя. Женщина осмотрела первую бочку, затем приложила к ней свой прибор.

Рядом с ней стоял Сор и глядел на свои карманные часы, считая секунды. Его сердце бешено колотилось. Гремми вытер пот со лба, когда инспекторша двинулась к следующей бочке. Брик пихнул его локтем, чтобы не вел себя так подозрительно.

Наконец инспекторша добралась до последней бочки, достаточно вместительной, чтобы внутри могла свернуться калачиком юная девушка. Как ни прислушивалась инспектор, она не уловила ничего необычного.

Взмахом руки женщина разрешила грузить бочки на борт. Трое заговорщиков переглянулись.

Но вдруг инспектор резко обернулась. И резким движением опрокинула последнюю бочку.

Раздался тяжелый удар.

За ним последовало приглушенное «ой!».

— Так я и думала!

Инспектор взяла с настила пристани фомку, вскрыла ею бочку и обнаружила страшную правду: с острова пыталась улизнуть молодая особа с волосами цвета воронова крыла.

– Наполнитель – перья! – воскликнула инспекторша. – И ты надеялась, что они обманут мой слух?

С этого момента события понеслись вскачь.

– Без посторонней помощи тут не обошлось! – заявила инспекторша начальнику порта. – Это явный заговор!

Бедный Гремми не выдержал и разрыдался. Брик пытался успокоить его, а Сор размышлял вслух, не приказать ли Гремми, чтобы принял кару вместо своего начальника.

– Король обеспокоен вашей нелояльностью, – продолжала инспекторша с усмешкой. – Он меня предупреждал на этот счет. Ему непременно доложат, что вы сообща пытаетесь обойти закон. Капитан, заплатите только за пять бочек.

Досмотренный груз переправили на борт «Мечты Ута», и та взяла курс на Срединный архипелаг Изумрудного моря. На этом же судне уплыла и инспекторша, оставив порт на попечение своего помощника. Напоследок пообещала, что лично доложит королю о творящемся на Пике Диггена беззаконии.

Возможно, вы решили, что обнаруженная молодая женщина – вовсе не Локон. Если да, то вы совершенно правы.

Возможно, вы решили, что Локон спряталась в одной из остальных бочек. Если да, то вы ошиблись.

Локон не пряталась в другой бочке.

Локон вообще не пряталась.

Локон была инспекторшей.

8. Заяц на борту

Локон видела, как вдалеке к порту приближается настоящая инспекторша – крошечная фигурка яростно машет руками в сторону уходящего корабля. Ей скажут, что капитан настоял на отплытии без досмотра. К этому времени Грет, дочь начальника порта, уже вылезет из пустой бочки и спокойно пойдет домой. На Скале не останется других свидетелей произошедшего, кроме Брика, Гремми и Сора, чьи долги теперь выплачены.

Отныне Локон свободна. Пик Дигтена все уменьшается по мере того, как корабль набирает скорость. Практически все, кого Локон знает, живут на этом острове. Вскоре он скроется из виду.

Локон не чувствовала воодушевления. На сердце было тяжело. Каждый ребенок с нетерпением ждет того дня, когда он сможет выбрать путь, отличный от пути его родителей. Локон искренне надеялась, что ее путь не закончится обрывом.

Побег прошел без сучка без задоринки. Девушка надеялась, что ей удастся с такой же легкостью решить все остальные свои проблемы. А почему она на это надеялась? Да потому, что не получила гуманитарного образования. Иначе бы она знала, что такое злая ирония.

Девушка перевела взгляд на небо. Здесь, вдали от шахт-

ного смога, оно было таким голубым. Это почему-то казалось аморальным – как будто небо голое. А пахло... уже не солью, а чистотой. И опасностью. Отсутствие соли означало наличие живых спор.

К счастью, фальшборт был инкрустирован серебром. И конечно же, люди не стали бы путешествовать по Изумрудному морю, будь это слишком опасно. Паруса вздымались и хлопали, когда судно делало очередной поворот; вахтенные матросы перекликались друг с другом.

Королевское разрешение обязывало капитанов брать на борт государственных чиновников, которым требовалось уплыть со Скалы. Поэтому никто не обращал внимания на «инспекторшу», стоявшую в кормовой части корабля, на шканцах, недалеко от штурвала, возле которого капитан болтал с рулевым. Локон была одета в ярко-красный с золотом длинный камзол. Его украли минувшей ночью; это была запасная форменная одежда, которую инспекторша хранила в своем шкафу. Мать идеально подогнала камзол под фигуру дочери. И разумеется, в журнале регистрации, хранившемся в комнате инспекторши, время отплытия «Мечты Ута» было указано неверно, поэтому женщина и опоздала.

Локон взяла в дорогу лишь небольшой сверток с одеждой и сумку с чашками. Ее любимой была четвертая чашка Чарли, та, что с бабочкой. Что-то в простом дизайне одновременно манило и тревожило.

Локон была рада отсутствию внимания со стороны мат-

росов, потому что никак не могла перестать тарашиться на зеленый океан спор. Она совершенно не понимала, что заставляет корабль плыть. На самом деле это довольно интересный механизм. Находящиеся глубоко внизу, в океанском дне, отверстия исторгают вверх потоки воздуха. Возбуждаемая таким образом масса спор уподобляется жидкости. Это явление возможно в любом мире, включая ваш собственный. Оно называется флуидизацией. Подавайте снизу в ящик с песком воздух под давлением, и вы увидите нечто похожее на то, что наблюдала Локон.

Повсюду, куда ни глянь, лопались пузырьки воздуха, заставляя массу спор бурлить и колыхаться. Эта масса билась в корпус судна, разлетаясь брызгами и разбегаясь волнами. Однако при этом споровая «вода» совсем не походила на обычную; она была слишком густой, и гребни волн распадались на клубы зеленых спор. Это море было неправильным – но в том смысле, в каком может быть неправильным только нечто почти правильное. Одновременно знакомое и чужое. Словно бестактный кузен, рассказывающий пошлые анекдоты на похоронах бабушки.

Корабль плыл, как плыл бы любой корабль по воде. Но он мог двигаться, только пока снизу, из отверстий в океанической плите, поступал воздух; на планете Локон этот феномен назывался кипением. Он появлялся и исчезал случайным образом, превращая в «жидкость» огромные толщи спор в течение нескольких дней кряду. Периодически кипение пре-

кращалось, и наступал полный штиль. Перерывы обычно бывали короткими, но могли длиться часами и даже сутками.

Внезапно о борт разбилась высокая волна, подбросив кверху россыпь спор. Локон невольно вскрикнула и попятилась, но споры тотчас стали серыми, мертвыми.

– Что, не часто доводилось выходить в море? – спросил девушку стоявший рядом капитан.

Дыхание у него было зловонным, лицо смуглым, а волосы – жесткими и спутанными. Его облик как бы отвечал на вопрос: «Что, если бы вся гадость, годами копившаяся в сливе вашей ванны, вдруг ожила?»

Однако за несколько недель наблюдения за портом Локон не нашла более подходящего для своих целей судна, так что конфликтовать с капитаном она не собиралась. Даже если этот тип вновь посмеется над ее реакцией на споровую волну.

– У нас достаточно серебра. – Капитан повел вокруг рукой, имея в виду инкрустированные планширы и серебряную вязь на настиле палубы. Блестящей нитью этот металл вился и по мачте. – Убивает любые споры, которые подлетают слишком близко. Инспектор, вам нечего опасаться.

Локон кивнула, пытаясь изобразить равнодушие. Однако не удержалась от того, чтобы поплотнее закутаться в камзол, и почувствовала, как участилось ее дыхание, и поймала себя на мысли, что соленая маска была бы очень кстати.

Девушка достала блокнот и принялась работать над сво-

им планом. Итак, она выбралась со Скалы. Теперь остается только ждать. Судно доставит ее на королевский остров в Срединном архипелаге. Там нужно будет найти дорогу во дворец, а во дворце как-то добыть копию письма от Колдуньи, с требованием выкупа.

Это наиболее простой способ освободить Чарли. Да, заплатить выкуп самой не представляется возможным, и все же это легче, чем тайком пересечь Полуночное море и дать Колдунье бой. Остается надеяться, что, если Локон найдет деньги или убедит короля в необходимости выкупа, Чарли вернется к ней целым и невредимым.

Скрипнули доски, и девушка поняла, что капитан вновь рядом.

– У вас красивые волосы, инспектор, – заметил он. – Цвета хорошей медовухи!

Локон захлопнула блокнот:

– Пожалуй, мне стоит удалиться в каюту.

Капитан улыбнулся. Он был из той породы людей, которые убеждены, что все женщины вокруг думают только о них. Так оно и было, вот только каждая женщина при этом мысленно надеялась, что такой человек пройдет мимо, направляясь в противоположную сторону. Капитан жестом предложил Локон вместе с ним спуститься на жилую палубу, где находились каюты.

К счастью, он оставил девушку еще до того, как ей пришлось бы его прогонять. Кюта Локон была тесной, но зато

одноместной и запиралась изнутри. Локон почувствовала себя намного лучше, уединившись в замкнутом пространстве. Она налила воды в чашку с бабочкой и опустилась на койку, чтобы все хорошенько обдумать.

Теперь происходящее казалось гораздо более реальным. Неужели она действительно это сделала? Неужели покинула свой дом? И что это за странные разноцветные голуби, разговаривающие с ней человеческими голосами?

Последняя мысль была побочным эффектом яда, который капитан приказал добавить в воду в каюте девушки. К сожалению, в нашей истории нет говорящих голубей. Только говорящие крысы.

9. Крыса

Локон открыла глаза. Очнуться было чрезвычайно приятно.

Девушку сильно ободрила мысль, что удалось не умереть в первый же день приключения. Однако голова раскалывалась, а вокруг была сплошная чернота. Можно ли видеть сплошную черноту? Или это явный признак того, что ты ослеп? А слышать тишину? Ощущать отсутствие вкуса?

Судя по скрипу дерева, Локон находилась в трюме. Девушка со стоном села, затем, пошарив вокруг, нащупала решетку. Она в клетке.

– Даже не пытайся найти выход.

Вроде мужской голос, но звучит слабенько, будто кто-то взял слова и выжал из них весь сок.

– Кто здесь? – тихо спросила девушка.

– Такой же узник, как и ты. Я слышал, наверху говорили о тебе. Ты ведь инспектор?

– Да, – солгала Локон. – На королевской службе. Не могу поверить, что они осмелились напасть на меня.

Девушка вся трепетала от страха. Капитан, должно быть, разгадал ее уловку. Он вернется на Пик Диггена, вызовет настоящую инспекторшу, и план Локон пойдет прахом.

Нет. Он уже пошел прахом.

Девушка прислонилась спиной к решетке.

– Странное решение, инспектор, – взойти на борт этого корабля в одиночку. У подобных историй всегда один конец. Как ты собиралась справиться со всей командой?

– Справиться с командой? – переспросила Локон. – Что ты имеешь в виду?

– Ты что, не в курсе?

На случай, если вы сталкиваетесь с подобным впервые, поясню: за таким вопросом никогда не следует ничего хорошего.

– Это судно контрабандистов, – пояснил странный голос. – Они подделали королевское разрешение, чтобы торговать, не платя пошлин.

Локон стукнулась головой о решетку и застонала от боли.

– Контрабандисты решили, что я их подозреваю? Потому и села на корабль?

– А что, разве не в этом причина? – Собеседник засмеялся.

По крайней мере, Локон приняла за смех отрывистые хрипы, похожие на учащенное дыхание осла.

– Еще скажи, что это было чистой случайностью. Ох, бедняжка!

Локон сложила руки на груди, стоически снеся насмешку. Плюс в том, что ее не вернут на Пик Диггена и не отдадут на расправу герцогу. Скорее всего, контрабандисты просто убьют ее и избавятся от тела.

Локон твердо решила: плакать она не станет. Впасть в ис-

терику – это же совершенно непрактично. Так что никаких слез.

Однако глаза девушки наложили вето на это решение.

– Эй! – вновь раздался странный голос. – Не горюй. Хорошо уже то, что ты сбежала со Скалы.

– Ты слышал о Скале? – спросила Локон, вытирая глаза.

Или, лучше сказать, вытирая парочку глупцов, которые решили занять себя хоть чем-то, лишь бы не видеть происходящего.

– Я как раз плыл туда, – ответил голос, – когда матросы обнаружили мое присутствие. И заперли меня в клетке.

– Что тебе понадобилось на Пике Диггена? – требовательно спросила Локон.

– Это тебя не касается, – твердо ответил собеседник. – Тут я ни в чем не уступаю сородичам – также люблю скрытность.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Локон.

– Я поясню. Только для начала прикрой глаза.

Мгновение спустя в корпусе судна возникло крошечное отверстие и в трюм хлынул свет. Локон проморгалась, убрала с глаз растрепанные волосы и принялась рассматривать помещение, в котором очутилась против собственной воли. Это была клетка, встроенная в трюм, четыре на четыре фута или чуть больше.

Возле нее, привязанная к каким-то ящикам, стояла клетка гораздо меньшего размера, и там сидела... обыкновенная черная крыса. В лапках она держала пробку, извлеченную из

отверстия.

– Я стараюсь не вынимать ее без крайней необходимости, – пояснила крыса, – чтобы никто не догадался, понимаешь? Иначе клетку передвинут...

Крыса умолкла, повернувшись и взглянув на Локон, затем склонила голову набок.

– Ты чего? – спросила Локон.

Но крыса не отвечала. Было отчетливо слышно, как топают сапоги по палубе корабля, раскачивающегося на спорах. Локон подалась назад под пристальным взглядом глаз-бусинок.

– Что не так? – напряженно спросила она.

– Когда тебя тащили вниз, я не успел тебя разглядеть... Не понял, что ты такая юная. Ты не королевский инспектор.

– Просто я молодо выгляжу.

– Слишком молодо. – Крыса подобралась к стене клетки и села на хвост, наклонившись вперед и соединив крошечные ладошки.

Очень уж по-крысиному, показалось Локон.

– Ты тайком покинула остров, – заключил зверек. – Зачем, во имя всех лун, ты это сделала?

– Я уже сказала, – буркнула Локон. – Никому не хочется жить на Пике Диггена. И не нужно так пялиться. Мой план побега сработал, матросы приняли меня за инспекторшу.

– Вот только вряд ли в нем был пункт «Случайно напугать шайку контрабандистов».

Локон еще раз потеряла глаза.

– Может, начнем сначала? Похоже, мы упустили главное.

Не хочу показаться грубой, но ты... крыса.

– С этим не поспоришь.

– И при этом ты... разговариваешь.

– Снова верно.

– Да, но... как?

– Ртом, – ответила крыса. – Что опять-таки очевидно.

Локон закусил губу. Она не любила приставать с расспросами, а в общении с этой крысой явно поступилась принципом. Не бестактно ли выпытывать у говорящей крысы, почему она, собственно, может говорить? Сама Локон, вероятно, сильно обиделась бы, если бы с таким же вопросом кто-нибудь надел на нее.

Крыса взяла пробку и встала на задние лапки.

– Почему я умею говорить? О, это целая история. Но она не из тех, которые мне нравится рассказывать.

– Хм... – вырвалось у Локон.

– Что?

– Просто... я не привыкла слышать нечто подобное от людей.

Крыса слегка обгрызла пробку, прежде чем поднести ее к отверстию.

– Нельзя ли оставить дырочку открытой? – попросила Локон. – Хоть ненадолго?

Крыса вздохнула, потому что ей уже почти удалось затол-

кать пробку обратно. Но она послушно опустила затычку на пол клетки. Топот наверху усилился. Может, судно меняет курс?

– Значит, контрабандисты... – начала Локон.

– Контрабандисты, – кивнула крыса, приняхиваясь. – Меня поймали на краже съестных припасов, и пришлось выдать тайну – иначе я был бы выброшен за борт как простой вредитель. Люди решили, что говорящую крысу можно продать. Я хотел было предупредить, что вряд ли смогу рассказать нечто интересное, но потом рассудил, что неразумно давать им повод усомниться в моей ценности. – Крыса еще погрызла пробку. – Предстоит война, и сейчас каждый второй капитан – контрабандист. Прямо скажем, у тебя было мало шансов избежать встречи с кем-нибудь из них.

– Из-за войны? – переспросила Локон.

– С Колдуньей, – пояснила крыса. – Она отправляет все больше кораблей в набеги, а король наращивает свой флот, сгребает торговые суда, как малыш – конфеты. Учитывая, с какой легкостью теперь можно оказаться мобилизованным, стоит ли удивляться моральному падению многих моряков?

– Как думаешь, с ними можно договориться? – спросила Локон. – Объяснить им, что никакая я не инспекторша?

– Ого! Быстро же ты перестала ею быть.

– Я стану кем угодно, лишь бы вырваться из клетки. Мой друг попал в беду, и мне нужно его спасти.

– Друг? – переспросила крыса. – Ты сбежала из дома ради

какого-то мужчины?

Локон не ответила.

– Дорогая, ни один мужчина не стоит того, чтобы из-за него умирать. Если сумеешь выбраться отсюда, отправляйся прямиком домой, на свою Скалу.

– Он не просто какой-то мужчина, – проворчала Локон. – К тому же...

Снаружи раздался громкий хлопок, и Локон наострила уши. Подобный звук никак не ожидаешь услышать посреди океана. Что бы это могло быть?

Судьба ответила ей, прислав экспресс-доставкой пушечное ядро сквозь корпус корабля.

10. Споровщик

Пушечное ядро пробило дальний борт, пролетело через все помещение и разбилось вдребезги; мокрые осколки керамики и что-то вроде металлических бусин разлетелись по полу вперемешку со щепками. Сверху отчетливо доносились шарканье ног и крики.

– Что это? – воскликнула Локон.

Крыса забилась в угол своей клетки.

– На нас напали! – пискнула она, дрожа.

– То есть тебе видно, что происходит снаружи? – спросила Локон. – Через дырку в борту?

Ядро проделало еще одну дыру, и довольно большую, но так далеко от Локон, что через нее ничего не было видно. Зато каждый раз, когда в борт корабля ударяла волна, вторая дыра оказывалась так низко, что внутрь легко проникали споры. Вот их-то девушка видела отлично.

– Там другой корабль, – сообщила крыса. – Но я не вижу флага.

– Пираты? – предположила Локон.

– Пираты не начинают стрельбу, не потребовав у капитана настигнутого судна сдаться, – ответила крыса. – Это логично, ведь они не хотят утопить свой потенциальный приз в море спор. Должно быть, это королевский корабль. На нем сообразили, что мы контрабандисты, и решили разобраться

с нами цивилизованным способом.

– Цивилизованным? – Локон попыталась перекрычать очередной выстрел.

Похоже, в этот раз ядро пролетело мимо.

– Изготовить пушку может только развитая цивилизация. Или ты думаешь, что пушки где-то растут на деревьях, точно яблоки?

Каждый выстрел заставлял Локон вздрагивать, но непосредственную опасность представляли споры. Чем сильнее раскачивался корабль, тем больше их попадало в трюм, растекаясь по полу зеленой лужей. Некоторые тотчас погибали, становясь тускло-серыми, однако верхняя палуба с серебром находилась достаточно далеко, поэтому многие выживали. И медленно приближались к клетке Локон всякий раз, когда корабль взбирался на волну и кренился в соответствующую сторону.

Хотя эфирные споры иногда называют пылью, они больше похожи на мелкий песок из-за своей плотности. Поэтому парят в воздухе, как пыль, только если дует сильный ветер. Все же Локон натянула на рот воротник рубашки, с ужасом наблюдая за происходящим.

Споры подбирались к осколкам пушечного ядра – и к воде, которую оно разбрызгало по всему борту. В этот момент Локон пришлось освоить ускоренный курс тактики военных действий в споровых морях. Да, враг мог бы применять банальные металлические ядра. Однако он предпочитал ме-

тать заполненные водой керамические шары, что делало выстрел куда более интересным. (Если вы, как и я, интересуетесь необычными способами убийства.)

Наконец несколько живых спор коснулись воды.

И мгновенно начали разрастаться. Представьте себе молнию, состоящую из лоз. Они вытягивались и обвивали друг друга, чтобы очень быстро образовать кудрявый куст высотой около десяти футов. За считанные мгновения в трюме вырос целый букет лоз, отдаленно похожих на древесные; их «корни» пробивались сквозь днище, а «ветви» тянулись вверх, к палубе.

Локон невольно вообразила, как эти споры прорастают у нее во рту или в носу. Возможно, кое в чем ее представления были неверны, но в целом она не ошиблась.

Если у вас куда менее буйная фантазия, чем у Локон, поясню: все начинается с ощущения, будто чьи-то руки раздвигают вам челюсти. Затем лозы заполняют горло и, не удовлетворившись этим, проникают в легкие. Под нажимом ростков вываливаются зубы, а другие ростки, продырявив мягкое небо, вторгаются в носовые пазухи. Но до мозга они обычно не добираются, поэтому вы не теряете сознания, умирая от удушья, и явственно ощущаете, как лозы выпихивают ваши глаза из глазниц.

К счастью для Локон, вскоре в трюме, спотыкаясь, спустился матрос в матерчатой маске. В руках он держал фонарь и какие-то незнакомые ей снасти, в том числе странной фор-

мы ящичек под названием дозатор. (По чистой случайности таких размеров, что мог бы вместить человеческую голову.)

Матрос поднес дозатор к пробойне, затем осторожно уронил через отверстие в крышке несколько капель воды. Из передней стенки быстро вырос лист красновато-розового камня. Полупрозрачный, как мутный хрусталь, камень накрепко соединился с древесиной, закупорив отверстие.

Матрос серебряным ножом отрезал лист от ящичка. На каждом судне в мире Локон был как минимум один член экипажа, обученный обращению со спорами. Такие специалисты назывались споровщиками.

Локон с изумлением наблюдала за происходящим. Девушка слышала об этом веществе, розеите. Оно вырастало из розово-красных спор Розового моря, которое граничило с Изумрудным морем. В отличие от Багряного или Полуночного моря, Розовое было обитаемо, а это означало, что его споры не настолько смертоносны, как споры других морей. И все же девушка боялась их. Разросшиеся лозы во рту уж точно не прибавят здоровья, что уж говорить о кристаллах.

Однако матросу они явно были привычны – он ловко наложил розеит на пробойну, точно заплатку на прореху в одежде.

Споры можно использовать? В практических целях?

Урок морского военного дела плавно перешел в занятие по утилитарной экономике.

Заделав пробойну, споровщик снял с плеча еще один ди-

ковинный инструмент – шест с прикрепленной к его концу пластиной. Как только он взмахнул этой штуковиной над полом, выжившие споры стали тускло-серыми. Локон поняла, что пластина сделана из серебра.

Матрос глянул на лозу, разросшуюся посреди трюма, но, очевидно, решил, что в данный момент она не представляет опасности. Он направился к трапу, ведущему на верхнюю палубу.

– Стой! – выкрикнула Локон, схватившись за прутья передней решетки клетки. – На нас напал королевский корабль, да? По нам стреляют, не потребовав капитуляции и выкупа? Хотят разделаться с контрабандистами?

– Молись, чтобы они этого не сделали! – процедил матрос. – Иначе тоже попадешь под раздачу, инспектор ты или нет.

С этими словами он сделал жест, будто выплескивает в сторону девушки воду, что на их планете считалось весьма грубым.

– Так я о том и говорю! – воскликнула Локон. – Если они узнают, что на борту королевский инспектор, думаешь, не прекратят метать ядра?

Споровщик смерил девушку долгим взглядом, а затем поспешно достал ключ от ее клетки.

11. Вор

Зрелище, открывшееся глазам Локон, когда та вышла из трюма, могло бы напугать дракона. Враждебный корабль находился гораздо ближе, чем ей представлялось, – даже можно разглядеть матросов на его палубе.

У вражеского корабля было две пушки: одна находилась на носу, другая на корме. Возможно, вы слышали истории о больших парусных судах с дюжиной пушек по каждому борту. Однако в мире Локон столь тяжеловооруженных кораблей не водилось; многие имели лишь одну пушку на круговой станине. Обычно за нее отвечал специальный матрос, канонир.

На носу «Мечты Ута» также стояла маленькая пушка. Но в данный момент корабль контрабандистов сильно накренился, выполняя маневр уклонения, и не мог вести огонь.

Локон понятия не имела о мореходных качествах кораблей; она просто с отвисшей челюстью наблюдала за тем, как вражеский корабль подошел еще ближе и выстрелил из носового орудия. Ядро упало, чуть не долетев до середины правого борта. В отличие от ядра, которое пробило в трюм, это взорвалось при соприкосновении с поверхностью моря, расплескав вокруг свою водяную начинку.

Тотчас буквально в нескольких дюймах от Локон выросло очередное дерево из лоз, сплетя ветви в тугой клубок, запу-

танный куда хитрее, чем любовные похождения библиотекаря (уж поверьте, библиотекари – чрезвычайно странный народ), и продолжало расти, извиваясь и закручиваясь все пуще. Лозы напомнили Локон ее собственные волосы, которые приходилось распутывать с помощью щетки каждое утро.

Узловатые ветви карабкались по корпусу судна, цепляясь за его планшир. Натыкаясь на серебро, они моментально ссели, умирали, подобно спорам, но не выпускали корабль из своей хватки. Так что даже без прямого попадания «Мечте Ута» не поздоровилось бы – вскоре лозы разорвали бы ее на части. И количество серебра на палубе не играло никакой роли. Впрочем, если лозы и не растерзают судно, то пригвоздят к месту, превратив в легкую добычу.

Матросы набросились на них с топорами, чуть не сбив Локон с ног.

– Почти попали! – прокричал капитан рулевому. – Продолжай уклоняться, Густаль! – Капитан находился в двух шагах от Локон, и девушку аж затошнило от его зловонного дыхания, когда он повернулся к споровщику. – Дорп, зачем, во имя всех лун, ты привел сюда эту бабу?

– Она как-никак королевский инспектор, капитан. – Дорп кивнул на Локон. – Вот я и подумал: может, они перестанут нас топить, когда увидят ее!

На лице капитана злость сменилась возбуждением.

– Дорп, это первая здравая мысль за все то время, что ты служишь на моем корабле! Тащите ее на шканцы. Да повыше

поднимите, – может, и впрямь эти каналы прекратят палить.

Локон перенесла неучтивость, оказанную ей командой, со всем достоинством, на какое только была способна. Вскоре она уже стояла на краю юта, размахивая всем, что у нее было, в надежде, что красный камзол королевского инспектора по досмотру груза убедит противника прекратить военные действия.

К сожалению, противник либо не замечал, либо не желал замечать инспектора. Очередное ядро пробило стенку квартердека и устроило жуткий беспорядок в капитанской каюте.

Споровщик грязно выругался.

– Глупая была затея, – проворчал он, направляясь к сходному люку и увлекая за собой Локон.

Он должен был проверить, не появилось ли новых дыр в бортах, а также вернуть пленницу в клетку. Однако не успели они добраться до трюма, как корабль резко накренился.

Локон оступилась и рухнула ничком, прямо в мертвые споры. Она тотчас взвилась на колени и в ужасе трясущимися руками смахнула споры с лица. Что, если среди них остались живые?

Споровщик отпустил ворот рубашки, за который тащил Локон.

– О нет! – повернувшись, воскликнул он. – Нет, только не это!

Корабль тихо стонал, замедляя движение, и вскоре остановился. Воцарилась тишина. Даже шаги на палубе смолкли

– Локон не сразу поняла, что произошло. Кипение прекратилось.

Корабль все равно что сел на мель посреди моря. Пока потоки воздуха, разжижающие споры, не возобновятся, он никуда не двинется. Ловушка захлопнулась.

– О нет-нет-нет! – запричитал споровщик.

И бросился вверх по трапу, напрочь забыв про Локон.

Девушка почти сразу поняла причину его паники. Дуло вражеской пушки смотрело прямо на «Мечту Ута», стоящую на месте.

Секундой позже ядро врезалось в корму, проделав здоровенную дыру. Локон закричала и прикрыла голову руками, когда второе ядро пролетело прямо над ней и упало в носу судна, не разлетевшись на осколки.

Локон съежилась на полу, ожидая следующего выстрела. Однако вскоре ужас сменился столь свойственной ей практичностью. Девушка стряхнула со спины щепки и выглянула наружу через новую дыру в корпусе. Вражеский корабль так же мертво стоял на месте лишь в нескольких сотнях футов от «Мечты Ута».

Море сделалось плотным, как песчаная дюна. Оно состояло из смертоносных спор, но по нему можно было идти. И хотя люди на другом корабле тоже могли оказаться враждебно настроенными по отношению к Локон, насчет экипажа «Мечты Ута» сомневаться не приходилось – он-то уж точно настроен отнюдь не дружелюбно.

Решение пришло довольно скоро. Локон вскочила на ноги и, протиснувшись мимо сплетения лоз, занимавшего большую часть трюма, направилась к большой дыре.

– Берегись! – крикнула крыса сзади, и в то же мгновение что-то тяжелое свалилось сверху прямо на девушку.

Это споровщик, разгадав замысел Локон, прыгнул с разбитого трапа и схватил ее за рукав.

– А ведь и вправду неплохая идея, – тихо произнес он. – Ты отдашь мне камзол, а я уговорю этих типчиков сохранить мне жизнь.

Споровщик принялся стягивать с Локон камзол, а она в отчаянии зашарила по полу в поисках чего-нибудь тяжелого. Наконец под руку подвернулся какой-то металлический предмет, и она без колебаний ударила матроса по голове. Тот рухнул, как бегун, выигравший тяжелую гонку на пределе сил.

Хрипя, Локон отдышалась и посмотрела на предмет в своей руке.

Оловянная чашка.

Ее чашка.

«Ха! – подумала она. – Все-таки я в тебе не ошиблась».

Девушка осмотрелась и обнаружила поблизости кое-что из своих пожитков, а также разные прочие вещи, которые разбросало по трюму взрывом. Она вскрикнула, когда пушечное ядро попало в корабль где-то наверху и несколько человек заорали.

Локон схватила свою сумку с чашками, затем, спотыкаясь, подошла к крысиной клетке.

– Чуть про тебя не забыла, – сказала она. – Прости, пожалуйста.

– С людьми это случается сплошь и рядом, – отозвался зверек. – А какими эпитетами вы награждаете грызунов...

– Приготовься, – сказала Локон. – Мне нечем разрезать прутья клетки, так что...

Взмахнув оловянной чашкой, девушка со всей силы ударила по металлическому замку.

Крыса высунула острую мордочку, затем прыгнула на руку Локон и вскарабкалась ей на плечо. Осуждать ее девушка не собиралась: весь пол усыпан спорами, так что вполне естественно желание забраться как можно выше.

– Меня зовут... – Крыса закашлялась. – Меня зовут... Хак. Выговорить настоящее имя почему-то не получается, ну да ничего, и так сойдет.

– Оно на крысином языке, непере译имое на человеческий?

– Вроде того, – кивнула крыса.

Локон продолжила путь к большой пробоине.

– А тебя как зовут?

– Локон, – коротко ответила девушка.

– Так что же, Локон, – спросил Хак, – ты намерена совершить очередной абсолютно безумный поступок?

– К сожалению, это становится лейтмотивом моей жизни.

С этими словами девушка ступила на споры.

12. Капитан Ворона

Под ногами захрустели споры.

Локон старалась дышать медленно и неглубоко. Даже натянув ворот рубашки аж на нос, она чувствовала себя незащищенной. Чтобы ее убить, хватит и одной-единственной споры.

Очередное ядро просвистело над головой девушки, пробив борт. Однако Локон продолжала шагать – очень осторожно, чтобы не подбрасывать споры. А еще приходилось учитывать, что в любой момент из отверстия в дне океана может вырваться струя воздуха, и это опять же будет означать немедленную смерть.

– Ну и зрелище! – ахнул Хак, сидя на плече девушки.

Локон осторожно посмотрела назад. Над «Мечтой Ута» кружила стая чаек. И на то была причина: несколько матросов получили ранения в результате последнего попадания, а один свалился за борт.

Бедняга бился в истерике, разбрызгивая кровь по спорам, которые тотчас расцветали лозами, цеплявшимися за борт подобно щупальцам гигантского спрута. Несчастный матрос исчез в этом буйстве, но его крики по-прежнему доносились будто из-под толщи земли – чем сильнее давили лозы, тем больше крови лилось в ненасытный океан. Чайки пикировали, с явным удовольствием атакуя растения. Что бы это зна-

чило?

Локон вновь повернулась к вражескому кораблю и продолжила путь – шаг за шагом. Из трюма ей казалось, что второе судно находится совсем близко, однако здесь, под открытым небом, расстояние до него представлялось непреодолимым.

– Я никогда прежде этого не делал, – посетовал Хак. – В смысле, никогда не ходил пешком по спорам.

– Я тоже. – Локон пыталась дышать ровно, хотя сердце неистово колотилось.

Продолжать! Двигаться! Вперед!

– Не хочу тебя пугать, – заговорил Хак, – но мне кажется, что кипение вот-вот возобновится...

Локон кивнула. Она знала, как это бывает. Через каждые сутки-двое возникает длительная, на несколько часов, пауза; океан полностью затихает. Он может не бурлить и целый день, но такое случается редко.

Обычно паузы в жизни океана продолжались лишь несколько минут. Как у певца, набирающего воздух перед очередным куплетом.

Локон попыталась ускорить шаг, но идти по спорам было чрезвычайно трудно. Девушка то и дело оступалась, и только лунам ведомо, почему в этот раз она зашнуровала башмаки недостаточно туго. Локон чувствовала, как споры проникают в обувь, проскальзывают между волокнами носков и трутся о кожу.

Сколько пота нужно, чтобы одна из них взорвалась?

Просто продолжай двигаться.

Шаг. Еще один. И еще.

Локон услышала хруст за спиной и оглянулась. Один из контрабандистов понял ее замысел и тоже поспешил к вражескому кораблю. Споры разлетались из-под его ног во все стороны. Локон напряглась всем телом, боясь, что...

Хрясь!

Из глаз несчастного матроса вырвался пучок лоз. Они упали и принялись извиваться; вокруг сразу же выросло еще несколько кустов. Локон продолжила путь, но тут еще один матрос прошел мимо нее уверенной походкой. Он двигался со скоростью, намного превышавшей разумные пределы.

Локон поняла, что им с Хаком удалось преодолеть полпути до вражеского корабля.

– Прошу, Изумрудная луна! – взмолилась девушка. – Пожалуйста, еще чуточку времени.

Локон уже хорошо различала врагов. Они собрались на баке, оставив орудия без прислуги. В обстреле больше не было нужды. Корабль контрабандистов разваливался вдалеке под натиском лоз, что выросли из спор, смоченных кровью упавшего за борт бедолаги.

Локон чувствовала на себе взгляды матросов. На самом носу корабля была отчетливо различима зловещая фигура в шляпе с длинным черным пером. Вдруг кто-то поднял длинный мушкет и направил его на Локон.

Мушкет дрогнул, и через долю секунды раздался хлопок. Матрос, быстро шагавший к кораблю, рухнул, и кровь из его раны запустила новый жуткий фонтан выющихся лоз.

Локон остановилась, ожидая второго выстрела. Однако его не последовало, и девушка вновь пошла вперед. Пути назад не было – там бы ее ждала неминуемая смерть.

Все тело было напряжено, как до отказа натянутая тетива лука. Вот-вот снова гроыхнет мушкет, или земля задрожит под ногами, или спора попадет в нос или глаз.

Когда девушка наконец вступила в тень корабля, она испытала громадное облегчение – как будто убрали нож, который продержали приставленным к горлу целую вечность.

Матросы, собравшиеся у фальшборта, смотрели на нее сверху. Ни на ком Локон не заметила королевской формы; правда, одежду человека, стоявшего в середине ряда, разглядеть не удалось, поскольку прямо за его спиной горело солнце. А лицо скрывалось в тени шляпы с черным пером.

Матросы безмолвствовали. Они не предложили Локон подняться на борт, но и не застрелили ее. Девушке ничего не оставалось, как привязать к поясу сумку с чашками и поискать способ взобраться наверх. Но корпус был изготовлен из гладкого коричневого дерева, и после нескольких тщетных попыток Локон убедилась, что залезть по нему невозможно.

– Прости меня, Локон, – сказал Хак. – Боюсь, я ошибся – они не похожи на людей короля.

Девушка на мгновение задумалась, затем тщательно, чтобы не осталось ни единой споры, вытерла палец и поднесла ко рту. Плюнув на ноготь, девушка глубоко вздохнула и стряхнула слюну.

В нескольких футах от нее ожили споры, породив среднего размера деревце из лоз, которые, обвивая друг друга, потянулись к небу. Локон схватилась за лозу, оказавшуюся прочной и жесткой, как канат, и полезла.

– Правильно, молодчина! – подбадривал девушку Хак. Он шмыгнул с ее плеча на лозу чуть повыше той, по которой взбиралась Локон. – Давай поторапливайся!

Сил хватило ровно на то, чтобы взобраться футов на десять и оказаться напротив иллюминатора. Хак вернулся на

плечо к Локон, как только она ухватила за опору. Отсюда ей удалось прочесть название корабля, написанное золотой краской: «Воронья песнь».

Несколько матросов со смехом обсуждали потуги Локон, преодолевавшей последние футы. Споры потоком падали с ее башмаков, пока она висела, пытаясь зацепиться ногой за узкий козырек, идущий вдоль борта под иллюминаторами.

– Вот оно! – пискнул Хак. – Прислушайся.

Локон уловила низкий гул, от которого завибрировал весь корабль. Мгновение спустя толща спор заколыхалась, там и тут сквозь нее прорывались струи воздуха. Корабль накренился, и Локон едва не сорвалась. По палубе разнесся приказ ставить паруса.

Лестница из лоз ушла обратно, ее поглотил внезапно оживший океан. Локон оглянулась на «Мечту Ута» – та накренилась, затем перевернулась кверху килем и наконец затонула под напором обвивших ее лоз.

Новый куст вырос на месте исчезнувших под спорами обломков. Последние члены экипажа страшно закричали, отдавая свою воду океану, и чайки бросились врассыпную. Вражеский корабль с висевшей на его борту Локон проплыл мимо места крушения. Только три моряка еще боролись за жизнь: двое цеплялись за обломки, один сидел в маленькой спасательной шлюпке. Все трое обмотали шарф вокруг головы, закрыв им рот, и крепко зажмурились.

Грянули выстрелы, убив тех двоих, что цеплялись за об-

ломки. Однако почему-то человека в шлюпке было решено оставить в живых. Единственного из всей команды контрабандистов свидетеля первого неудачного плавания Локон.

Девушка продолжала висеть на корпусе «Вороньей песни». Ее пальцы пылали от боли, ныли мышцы рук. Но не на что было опереться ногами. Локон сомневалась, что ей хватит сил или ловкости перелезть через планшир, если вообще удастся до него дотянуться.

Периодически кто-нибудь заглядывал через борт и сообщал товарищам, что девица еще не сверзилась.

Еще не сверзилась...

Еще не сверзилась...

– Хак, давай, – прошептала Локон. – Ты же крыса; тебе нетрудно взобраться.

– Сомневаюсь, – отозвался Хак.

– Ты можешь хотя бы попытаться.

– Факт. Попытаться могу...

Однако они продолжали висеть, как казалось Локон, целую вечность. И вдруг девушка поняла, что вот-вот сорвется. Пальцы скользкие, мышцы вопят от боли...

Рядом о доски стукнулась веревка. Девушка оцепенело уставилась на нее, гадая, хватит ли сил взобраться. Решив, что их совсем не осталось, она просто схватилась за веревку и повисла.

К счастью, та вскоре пришла в движение – несколько матросов дружно тянули Локон вверх. Наконец очень крупный

мужчина с черными волосами, заплетенными в дреды, ухватил ее под мышки, а затем бросил на палубу. Последние споры на одежде девушки посерели, убитые серебром «Вороньей песни».

– Капитан Ворона позволила вытащить тебя, если продержишься пятнадцать минут, – пояснила женщина невысокого роста. – Не верится, что ты справилась. Ты сильная.

Локон закашлялась, корчась на палубе. Потом села и обхватила себя измученными руками. Всего лишь пятнадцать минут? Казалось, прошло несколько часов.

– Я не сильная, – хрипло возразила Локон. – Просто упрямая.

– Еще лучше.

Хак благоразумно промолчал, хоть и щелкнул зубами на матроса, попытавшегося схватить его за хвост.

– Кто вы такие? – обратилась Локон к своим спасителям. – Люди короля? Приватеры?

– Ни те ни другие, – ответил матрос. – Мы скоро поднимем флаг в цветах короля, но это будет притворство. Дуг шьет нам настоящий флаг; в следующий раз у нас над головой будет виться черное на красном.

Черное на красном? Значит, пираты. Интересно, попасть к пиратам после контрабандистов – это вверх по карьерной лестнице или вниз? И почему они потопили корабль, не обчистив его хорошенько?

Сквозь толпу матросов протиснулась смуглая коренастая

женщина – судя по плюмажу на шляпе, капитан «Вороньей песни». Ворона обладала резкими чертами лица и хмурым взглядом глубоких как океан глаз. Я знал похожих на нее людей. Она была чересчур сурова. Переполнена злостью. Словно это лишь набросок человеческого существа, в который время еще не добавило смягчающих черт вроде юмора или милосердия.

– За борт ее, – приказала капитан.

– Но ты же сама разрешила ее поднять! – возразила невысокая женщина.

– Я разрешила, вы подняли. А теперь – за борт!

Никто не кинулся выполнять приказ. Все матросы стояли неподвижно.

– Гляньте, какая она тощая, – процедила капитан. – Инспектор? Знала я парочку инспекторов... Они стали инспекторами в поисках легкой жизни. Им неизвестно, что такое настоящий труд, а бездельникам не место на «Вороньей песни».

Пиратам речь капитана явно показалась неубедительной. Интересно, почему им не все равно? Однако их нерешительность давала Локон шанс. Преодолев смертельную усталость и сильнейшее головокружение, девушка встала на колени, взяла замеченное поблизости ведро со щеткой и принялась методично, насколько позволяли измученные руки, драить палубу.

Капитан Ворона молча смотрела на нее. В повисшей над

палубой тишине отчетливо слышалось шипение спор и ерзанье щетки: вжих-вжих.

Наконец, сняв с пояса флягу, капитан сделала большой глоток. Фляга была отменная, обшитая кожей с тисненым узором из перьев. Даже в полубоморочном состоянии Локон по достоинству оценила эту посудину.

Вскоре Ворона спустилась с бака, не повторив последнего распоряжения. Пираты разошлись по своим постам.

Девушка продолжала драить палубу, а Хак шептал ей на ухо слова поддержки. Локон работала допоздна, и лишь окончательно выбившись из сил, она заползла в уголок, свернулась калачиком и уснула.

Часть 3

13. Юнга

Проснувшись на следующий день, Локон ничего перед собой не увидела – волосы за ночь спутались наглухо. А чувствовала она себя как одеревеневшая от высохшей грязи тряпка. Девушка привстала и попыталась собрать жесткие волосы в хвост, смутно припоминая, как ночью ее пинали, требуя подвинуться, чтобы не мешалась под ногами. Она подчинилась, но вскоре снова посыпались пинки, и так повторилось еще дважды все по той же причине. Казалось, на палубе просто невозможно не мешаться под ногами.

Ее следующая мысль была вовсе не о еде. И не о питье. И не об иных физиологических потребностях.

Ее следующая мысль была о Чарли.

Никогда еще Локон не считала себя такой наивной. Неужели и впрямь верила, что покинуть родной дом и отправиться на поиски кого-либо – это так просто? Ведь доселе она ни разу не поднималась на борт корабля. А теперь чувствует себя полной дурой. Хуже того: стоит подумать, что Чарли где-то вдали один-одинешенек, пленен и напуган до смерти, как сердце сжимается до боли. Его страдания – это ее страдания.

У вас может возникнуть мысль, что человек, способный сочувствовать другим, обречен. Разве боли одного не достаточно? Почему такие, как Локон, должны страдать за двоих? Однако я обнаружил, что самые счастливые люди – это те, кто лучше других умеет сочувствовать. Известно же, что практика ведет к совершенству. Чтобы чего-то достичь, нужно приложить определенное усилие. А тот, кто на своем веку посочувствовал двум людям, трем или тысяче... Тот имеет преимущество над всеми остальными.

Эмпатия, как ничто иное, ведет к эмоциональным потерям. Но в конце концов она себя окупает.

Подобные соображения слабо утешали Локон. Она была глубоко несчастной от осознания того простого факта, что, прежде чем помогать Чарли, ей придется помогать самой себе. Она прижалась к фальшборту и услышала крики с нижней палубы: кок объявлял, что «первая вахта» может идти на камбуз.

Хак что-то прошептал девушке на ухо и отправился на разведку. У Локон заурчало в животе, и она вспомнила, что ее последней пищей была отравленная контрабандистами вода. Превозмогая боль, Локон поднялась на ноги. Камбуз – это ведь там, где дают еду, верно? Быть может, никто не заметит, если она тихонечко...

Внезапно перед Локон выросла долговязая фигура в растегнутом бушлате. Голова была лысой, зато подбородок – щетинистый. На боку висела шпага, а за пояс были заткну-

ты два пистоля. Лаггарт – канонир и первый помощник. Его крепкие мускулы, длинная шея и гладкая лысина будто намекали, что в число его предков затесался канюк.

Лаггарт оглядел Локон с ног до головы.

– Первая вахта может поесть, – сказал он. – То есть мужчины и женщины, которым предстоит весь день трудиться. Ты, златовласка, займешься парусами или такелажем?

– Э-э-э... нет, – тихо ответила Локон.

– Вторая вахта завтракает после первой, – продолжил Лаггарт. – Они вкалывали всю ночь и смогут подкрепиться, как только их место займет дневная вахта.

– А к какой вахте отношусь я? – осведомилась Локон.

– Капитан сказала, к третьей, – улыбнулся Лаггарт, после чего развернулся и ушел.

Наконец на камбуз позвали вторую вахту, и матросы поменялись местами. Локон, невыспавшейся и встревоженной, оставалось только ждать. И она ждала и ждала... у моря погоды.

Третью вахту на камбуз так и не вызвали. Локон заподозрила, что эта вахта состоит из нее одной. Поэтому она изо всех сил старалась не замечать урчания в животе, наблюдая за работой пиратов. Может, если она поймет, что каждый из них делает на судне, то сможет не мешаться под ногами?

За этим занятием Локон провела все утро. К счастью, большинство пиратов как будто забыли о ее существовании. Экипаж нельзя было назвать веселым, но он, похоже, был

предан своему делу. Несколько раз Локон ловила взгляд капитана – та наблюдала со стороны, периодически прикладываясь к фляге. Под ее свирепым взором Локон чувствовала себя пятном на окне, никак не желавшим оттираться.

Поэтому девушка решила с головой погрузиться в работу. Но для начала открыла свою сумку: проверила, все ли чашки целы, и достала щетку для волос. Приведя волосы в порядок и заплетя их в косу, Локон вновь взялась за ведро – но оказалось, что вода и мыло в нем закончились.

Девушка так и продолжала стоять, глупо уставившись в пустое ведро, пока кто-то не принес наполненное. Локон поблагодарила матроса и вздрогнула, поняв, что видела его прежде. Это же Хойд, юнга со «Свистящего лука»! Ошибка исключена: те же неуклюжая походка и белоснежная шевелюра... Хотя все называли его мальчиком, на вид ему было чуть больше тридцати, и он казался вполне вменяемым... пока не открыл рот.

– Мои десны обожают, когда их лижут! – С этими словами он удалился походкой пьяного пингвина.

Да, это был я.

И нет, я не хочу об этом говорить.

После того как я отошел, чтобы засунуть шнурки себе в нос, Локон поднялась на ют, где было не так многолюдно. И снова принялась трудиться. Оказалось, что она неплохо умеет драить палубы, поскольку эта работа мало отличается от мытья окон, разве что отмываемая поверхность не стано-

вится прозрачной. Возможно, драить палубу даже легче, чем мыть окна, так что Локон растрачивала свой талант впустую. Это как если бы хирурга мирового класса наняли срезать горелую корочку с хлеба.

Время от времени Локон позволяла себе перерыв и наблюдала за командой. Она узнавала и другие лица, хотя и не могла точно вспомнить, на каких судах эти люди плавали прежде. Нередко с корабля, вошедшего в бухту Скалы, списывался матрос, а то и несколько. Они получали от инспектора письменное разрешение пожить в порту, пока не найдутся на какое-нибудь другое судно.

Похоже, народ на «Вороньей песни» подобрался не особо суровый. Команда была разноплеменной, и женщин почти столько же, сколько мужчин. Такое было нормальным для споровых морей: на борт принимали всех, кто был готов ходить под парусом. Сексизм плохо сказывался на прибыли.

Но почему столь миролюбивые люди превратились в пиратов? Причем пиратов весьма специфических – кровожадных монстров, способных потопить корабль, не обыскав его хорошенько?

«Они даже не завесили тряпьем название своего судна, – подумала Локон. – И оставили в живых одного матроса. С этим кораблем явно что-то не так».

– Я хотел простирнуть мои рубашки! – сказал я мимоходом, протянув к девушке руки, а затем подмигнул. – Но я съел их на прошлой неделе.

Локон склонила голову набок, наблюдая за моим странным поведением. Как только я двинулся прочь, по палубе просеменил Хак и вскарабкался девушке на плечо.

– Что это с ним? – тихо осведомилась крыса.

– Теряюсь в догадках, – прошептала Локон. – Мы прежде встречались. Он милый. Хотя и со странностями.

– Со странностями – так можно сказать про филателиста. А у этого парня явно шариков в голове не хватает. А те, что есть, за ролики зашли.

Вздох.

Что ж, так и быть, расскажу, как так вышло.

Дело в том, что несколько лет назад судьба меня свела – или правильней сказать «столкнула»? – с Колдуньей. Не стану отпираться: у нее было кое-что интересующее меня, и умыкнуть это оказалось сложнее, чем я предполагал. Чем все закончилось, спросите? Колдунья «наградила» меня одним из своих знаменитых проклятий. Не судите меня строго. Конь о четырех ногах и тот спотыкается.

Проклятие лишило меня чувства вкуса, а заодно и остальных четырех чувств.

– Что тебе удалось выяснить? – поинтересовалась Локон.

– Я стащил немного еды, – ответил Хак, – правда, немного – это по крысиным меркам. Прости, пожалуйста. Но еще я узнал, что матросы действительно шьют пиратский флаг. Хотя, похоже, в пиратстве они мало смыслят. Может, потопление нашего корабля – случайность?

– Нет, – тихо сказала Локон, возвращаясь к работе. – Они намеренно оставили в живых одного матроса и не спрятали перед нападением название своего судна. Наш корабль они пустили ко дну не из-за неопытности...

– Хотели заявить о себе, – согласился Хак. – Пиратская версия магазина, объявляющего о распродаже обуви. Лунные тени! Эти дилетанты убили без малого тридцать человек!

Локон окинула взглядом людей, трудившихся на своих постах. Раньше их движения казались осознанными и четкими, но теперь она почувствовала кое-что еще. Отчаянное желание раствориться в работе.

Для чего? Чтобы не думать о случившемся накануне?

«С этим кораблем точно что-то не так», – снова подумала Локон.

Но прежде чем она смогла хорошенько обмозговать эту догадку, другие вопросы – скатологического характера – потребовали ее внимания.

14. Дуги

«Воронья песнь» была гораздо больше «Мечты Ута» – двухмачтового судна, имевшего некоторое сходство с тем, что вы бы назвали бригантиной. Она имела четыре мачты, просторный грузовой трюм, несколько палуб и обладала чрезвычайной быстроходностью. Вы могли бы сравнить ее с небольшим галеоном. И у него была довольно многочисленная – для мира Локон – команда: шестьдесят человек.

Я не заставляю вас запоминать всех поименно. В основном потому, что и сам не помню каждого.

Поэтому ради краткости повествования и сохранения коллективного здравомыслия я назову только наиболее значимых. Остальные пусть будут Дугами, независимо от пола.

Вы удивитесь, насколько это распространенное имя во всех мирах. Да, где-то оно пишется «Даг» или даже «Дух», но все это варианты одного имени. Несмотря на требования тех или иных языковых норм, в конце концов родители начинают звать своих детей Дугами. Как-то я провел целых десять лет на планете, где единственными представителями разумной жизни были существа, похожие на блины, и они общались посредством метеоризма. И одного из них – кроме шуток! – звали Дуг. Хотя спору нет, при «произнесении» это имя сопровождалось очень характерным запахом.

«Дуг» – это еще и термин, эквивалентный конвергент-

ной эволюции. Стоит ему где-нибудь появиться, и он пускает корни. Великий лингвистический фильтр, тревожный звоночек. Как только общество достигает пика Дуг, ему пора встать в угол и подумать о своем поведении.

Уж точно на «Вороньей песне» была по крайней мере одна женщина по имени Дуг, вот только я не припомню ее судовую роль. Так что пусть все они будут Дугами.

Локон подошла к матросу и нерешительно спросила, где туалет. Этот Дуг указал ей на трап, объяснив, что галльон на средней палубе предназначен для низшего командного состава.

Вместе с Хаком, который по-прежнему сидел у девушки на плече, она принялась исследовать судно. У «Вороньей песни» было четыре яруса. Самый верхний, обращенный к небу, Дуги называли верхней палубой. На средней находились камбуз и оружейная, а также небольшие каюты офицеров. На тесной нижней палубе держали свои койки большинство матросов.

Под нижней палубой находился трюм, громадное помещение для обильной добычи, которую пираты наверняка получают, если перестанут топить встреченные корабли до того, как хорошенько их обыщут.

На корабле – слава лунам! – нашлось несколько туалетных комнат с исправной сантехникой. Локон заглянула в одну и обнаружила унитаз, но не обнаружила ванны. Где же команда моется? Локон отчаянно хотелось принять ванну;

в складках ее одежды то и дело обнаруживались споры. При мысли о том, сколько спор она подцепила во время перехода, девушка вся покрывалась мурашками.

Локон сделала свои дела в тесном помещении с крошечным иллюминатором в стене, откуда лился тусклый свет. Ей даже не пришлось просить, чтобы Хак остался снаружи; для крысы он поступил очень по-джентльменски. Почувствовав себя немного лучше, Локон вышла из галюна, и Хак вновь запрыгнул к ней на плечо. Как утилизируются человеческие отходы здесь, посреди океана? Их сохраняют до первой высадки, чтобы сдать на компост? А как насчет более длительных путешествий? Выбрасывать за борт? Это представляется опасным, если не сказать – мерзким. Опасерзким.

Возвратившись на среднюю палубу, Локон услышала голос из помещения по соседству с галюном. Девушка заглянула туда и увидела за стойкой крупного мужчину с дредами, который днем ранее втащил ее на палубу. Возможно, при слове «крупный» вы представили себе грузного или мускулистого человека. Да, тут имели место и грузность, и мускулистость, но ни одно из этих слов не отдавало должного Форту, исполнявшему на судне обязанности баталера и кока.

Форт не был крупным в смысле «эй, тебе бы сесть на диету» или «эй, каким спортом занимаешься?». Он был крупным в смысле «эй, как ты протиснулся в дверной проем?». И дело не в тучности, хотя несколько лишних фунтов у Форта имелось. Он выглядел как человек, созданный по иному

лекалу, нежели все прочие люди. Можно легко представить, как Осколки, сотворив его, сказали нечто вроде: «Может, мы и перестарались в паре мест» – и решили бережливости ради тратить на остальных людей поменьше ресурсов.

Форт держал керамическое пушечное ядро, казавшееся в его руках крошечным. Его пальцы были скрючены то ли от старой травмы, то ли от врожденного заболевания. Наверное, он был не особенно ловок.

Рядом с баталером стояла долговязая женщина в жилете и брюках, с очень короткой стрижкой. Нос Энн, корабельного плотника, был похож на дротик. К разным местам на ее теле крепились не один, не два, а целых три пистоля.

Форт передал Энн ядро, которое в женских руках не выглядело ни крошечным, ни легким. Затем он поднял нечто похожее на деревянную вывеску с черной лицевой стороной, фута два в длину и чуть поменьше в ширину.

– Ты осмотрел все ядра в оружейной? – спросила Энн.

Форт взглянул на обратную сторону дощечки и кивнул.

– И больше дефектных не нашел?

Форт постучал по своей стороне дощечки, и на обратной появились слова: «Ни одного. У каждого ядра надлежащий запал. Оно должно взорваться до попадания в корабль, чтобы можно было захватить и разграбить».

Энн бросила ядро на стойку:

– Что ж, если все остальные исправны, не нужно беспокоиться о том, что мы случайно еще кого-нибудь потопим.

Форт снова постучал костяшкой указательного пальца по задней стороне дощечки. И тотчас спереди возникли новые слова:

«Странные дела, Энн. Наши ядра должны были только остановить корабль, а не уничтожить. Зачем было убивать людей? А как мерзко вела себя тогда капитан? Во всем этом нет ни малейшего смысла».

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Энн.

«Только то, что совсем не так я представлял себе пиратство».

– Я тоже не в восторге от случившегося, – кивнула Энн. – Но слишком поздно идти на попятный. По крайней мере, это лучше, чем пойти на войну по призыву.

«Ты правда так считаешь? Я не желал смерти этим людям, не хотел брать такой грех на душу».

Женщина не ответила. Повисло молчание. Наконец Энн выпрямилась и направилась к двери. Локон испугалась, что ее обнаружат за подслушиванием чужих разговоров, и поспешила укрыться в галюне.

Донеслись шаги поднимающейся по трапу Энн.

– Что ты об этом думаешь, Хак? – прошептала девушка.

– Не знаю, что и сказать, – отозвалась крыса. – Похоже, пираты не собирались топить «Мечту Ута», что, в общем-то, разумно. Но после того как первое пушечное ядро пробило корпус и судно начало тонуть, они, видимо, решили довести дело до конца.

Локон кивнула, хотя по-прежнему терялась в догадках.

– Но они все равно виновны, – добавил Хак. – Как они себе представляли будущее, когда решали заняться морским разбоем? Убив кого-нибудь при попытке ограбления, одной печалью не отделаешься. Эти люди теперь вне закона.

– Несправедливо как-то, – рассудила девушка. – Баталер не стрелял из пушки, но король все равно его повесит?

– Закон суров. А конкретно закон о преднамеренном убийстве. Преступление, приведшее к гибели человека, называется убийством. Даже если ты не хотел убивать. Королевский флот будет охотиться за этим кораблем и его командой, и нам лучше не находиться на борту в момент поимки. Чиновники могут не поверить в то, что ты здесь оказалась недобровольно.

Предложение было мудрым. Корабль стал для Локон смертельным капканом: либо она в конце концов утомит капитана своим присутствием, либо погибнет в неизбежном бою. Нужно спасти Чарли, и нельзя терять ни минуты.

Но как сбежать с корабля? Не прыгнуть же за борт. Кроме того, сухость во рту предупреждала о наличии других, более насущных проблем. Если Локон не дадут поесть, она просто не доживет до побега.

Она снова подкралась к камбузу и, заглянув внутрь, увидела, что здоровяк за стойкой повернулся спиной к двери. Он раскладывал вещи по многочисленным сундукам и коробкам. Нельзя ли здесь добыть еды? Может, обратиться за

помощью к Хаку? Локон посмотрела на своего спутника.

– Что? – громко спросила крыса.

Локон впилась в Хака взглядом, давая понять, что нужно говорить тише.

– Да он вроде глухой, – пояснила крыса. – Когда я здесь рыскал, кто-то обмолвился, что баталер не слышит.

Форт продолжал заниматься своим делом, не оборачиваясь. Похоже, не слышал разговора девушки и крысы.

– Имел я как-то дело с глухим человеком, – продолжил Хак. – Она была танцовщицей, причем одной из лучших под лунами – уж точно лучшей из тех, чьи выступления мне довелось посмотреть. Мне было с ней очень хорошо, однако нас довольно грубо разлучили, к моему великому сожалению. Но в жизни всякое случается. Я не мог заговорить с ней, рассказать, кто я и откуда. Не хотел раскрывать себя.

– Возможно, и сейчас не самое подходящее время для разговоров, – предположила Локон. – Если только ты не хочешь, чтобы пираты узнали о присутствии на их корабле болтливой крысы, которую можно продать за большие деньги.

– Твоя правда, – согласился Хак. – Просто я несколько недель прятался на корабле контрабандистов, прежде чем меня обнаружили. Было малость одиноко. Хорошо, когда есть с кем пообщаться...

Локон вновь выразительно посмотрела на собеседника.

– Понял, понял, умолкаю...

Локон повернулась, чтобы уйти, но тут под ее ногой

скрипнула половица. Форт немедленно развернулся и прищурился, разглядывая гостью. Возможно, он действительно был глухим, но у всех баталеров, насколько мне известно, есть что-то вроде шестого чувства, улавливающее присутствие постороннего вблизи их хозяйства.

Девушку будто к полу пригвоздил пристальный взгляд здоровяка. Сразу захотелось убежать подальше и спрятаться. Но ведь не кто иной, как этот мужчина, днем ранее втащил ее на палубу. Так что девушка осталась на месте. Форт взял со стойки свою удивительную дощечку.

«Подойди-ка, девочка».

Бежать было бесполезно. Поэтому Локон, чувствуя себя рыцарем перед пещерой дракона, вошла в помещение.

15. Баталер

Форт оглядел ее с ног до головы, потирая подбородок толстыми пальцами. Наконец постучал по задней стороне дощечки, и спереди появились слова, предназначенные для Локон:

«У тебя имя есть?»

– Локон, сэр.

«И ты действительно королевский инспектор?»

– Я... – Локон сглотнула. – Нет. Это не мой камзол. Я его украла.

«Теперь ты пират, – написал Форт. – Краденые вещи отныне являются твоей собственностью».

– Я не пират, – возразила Локон.

«Ты должна стать пиратом, если хочешь остаться в живых, – возразил Форт. – Никому не говори, что не собираешься стать пиратом. Из-за подобных разговоров можешь легко улететь за борт».

– Благодарю вас, сэр, – кивнула Локон.

«Не называй меня „сэр“. Я давно не пользуюсь этим именованием. Меня зовут Форт. Тебя уже покормили?»

В ответ у Локон заурчало в животе. Девушка покачала головой.

Форт исчез под стойкой и появился вновь с тарелкой, сжимая тонкий керамический край двумя пальцами. Локон бы-

ло подумала, что ему не хватит ловкости удержать тарелку – пальцы выглядели так, будто каждый был сломан в нескольких местах и заживал без шин. Но справился с задачей Форт неплохо. Было видно, как дрожат его руки, но он явно был способен делать то же, что и все остальные люди, просто немного иначе.

Поставив тарелку перед Локон, Форт достал кастрюлю, поскреб дно и вывалил на блюдо несколько пересушенных картофельных оладий. А после добавил пару кусков недожаренной яичницы.

«Остатки от завтрака, – решила Локон. – Отбросы, которые другие не стали есть».

Локон была готова наброситься на еду, но сдерживалась. Форт внимательно посмотрел на девушку, затем бросил на тарелку вилку. Локон восприняла это как знак, что можно приступать к трапезе, и принялась за дело.

Пережаренные оладьи напоминали панцири жуков, а яичница – внутренности этих панцирей. Не нужно быть великим кулинаром, чтобы понять, насколько ужасна эта еда, но для Локон все было еще хуже. Кормить ее холодными остатками испорченных продуктов, да еще без всякой приправы, – все равно что запереть великого пианиста в комнате и фальшиво наигрывать ему на казу отрывки из классических фортепианных шедевров.

Однако Локон не жаловалась. Ей необходимо было насытиться, и она не собиралась отказываться от пищи. Хотя на

вкус это была не пища, а скорее то, во что она превращается в кишечнике.

Чтобы не думать о грустном, Локон кивнула на дощечку, которую Форт использовал для общения:

– Странное устройство.

Форт протянул девушке чашку с водой (красивую бронзовую чашку совсем без рисунка, но блестящую на свету). Вода была чистой и приятной на вкус. Локон выпила залпом.

«Странное, говоришь? – написал Форт. – Твои слова появляются на задней стороне доски, как только ты их произносишь. Она даже может различать голоса и ставит пометку рядом с новым участником разговора».

– Ух ты! – только и сказала Локон.

Вам, возможно, интересно, почему Форт не читал по губам. Как и многие слышащие, я когда-то предполагал, что это идеальное решение для людей, лишенных возможности ориентироваться в мире звуков. Но на случай, если вы еще не слышали (намеренный каламбур), – чтение по губам не так легко освоить, как кажется. Это муторное дело, совершенно ненадежное и чрезвычайно хлопотное. Даже для самых талантливых.

Несмотря на всю сомнительность данного метода, Форт все же пользовался им, пока не обзавелся этим устройством. У дощечки было много функций, включая те, о которых Форт и не подозревал. Например, слова писались чуть крупнее, если их было немного, и занимали всю поверхность. Ко-

гда же Форт делал более длинные сообщения, слова сокращались в размерах, чтобы фразы могли уместиться целиком.

«Чудесное приспособление, – резюмировал Форт. – Я получил его от волшебника несколько лет назад».

– От волшебника? – переспросила Локон.

«Прибывшего, вероятно, со звезд. Очень странный парень. Он пользовался этим устройством для перевода слов на наш язык. Я упорно торговался, чтобы выменять эту вещь. Казалось, волшебник был несколько удивлен, узнав, насколько она может быть для меня ценной. Мне трудно было бы писать слова привычным для слышащих людей способом, поскольку изображать некоторые буквы не получается никак».

Кстати, тем «волшебником со звезд» был не я. Мне всегда хотелось узнать, у кого Форт выменял это устройство. Это налтийская технология с использованием пробужденных прогностических схем на основе Связи.

Форт продемонстрировал обратную сторону дощечки. Локон увидела кнопки с буквами на них, а также списки самых распространенных слов. Дощечка словно предугадывала нужды Форта, предлагая различные варианты. При этом устройство работало со сверхъестественной скоростью, казалось предвосхищая даже мысли хозяина.

«Я должен держать его на солнце раз в неделю, иначе перестанет работать, – написал Форт. – Его магия реагирует только на меня. Так что красть не имеет смысла».

– Я и не думала красть! – вздрогнув, заверила Локон. – Ты же так добр ко мне.

«Это не доброта, – написал Форт. – А обмен».

– Чего на что?

«Я пока не решил. Доедай, девочка».

Локон подчинилась. А что еще оставалось?

Пока девушка отважно боролась с «едой», в помещение вошел еще один моряк – та самая невысокая женщина, которая накануне воспротивилась приказу капитана. Черные волосы падали ей на плечи упругими кудряшками. Войдя, женщина едва удостоила Локон взглядом и положила что-то на стойку.

Как описать Салэй, рулевую? Она принадлежала к тому же народу, что и Форт; как и он, родилась на архипелаге Лобу в Сапфировом море, чьи зефирные споры при соприкосновении с водой выбрасывают порции воздуха. У Салэй были тонкие черты лица, но при этом хрупкой ее назвать было никак нельзя.

– Хорошо, Форт, – заявила она. – Даю три.

С этими словами Салэй выложила на стол три крошечные сережки.

«Салэй, я же сказал, – написал Форт, – не нужны мне твои серьги. У меня от них уши чешутся».

– Тогда четыре. – Салэй опустила на прилавок еще одну сережку. – Я выиграла их у Дуга в карты, и больше у меня ничего нет. Они из чистого золота. Лучшей сделки тебе ни-

кто не предложит.

При слове «сделка» Форт заметно оживился и пригляделся к серьгам.

– Ну же, Форт, – подначивала его Салэй. – Меня ждет работа.

Форт потер подбородок, затем почесал голову. Наконец достал что-то из-под прилавка и протянул женщине.

Карманные часы.

– Вот так-то лучше.

Салэй забрала часы со стойки и поспешно вышла.

Форт с улыбкой осмотрел серьги – одну за другой. Ему действительно они были без надобности, но... это и впрямь хорошая сделка. А хорошая сделка, по мнению Форты, уже сама по себе награда.

Локон удалось запихать в себя остатки «еды». Она решила, что за это ей полагается медаль. Форт снова наполнил чашку водой, а после прогнал девушку, написав на прощание: «Приходи, когда поужинают все остальные. Может быть, у меня найдется еще какая-нибудь снедь».

Локон поблагодарила кивком.

Заметив меня у порога, она аж подпрыгнула от неожиданности. Я же прошел к стойке и устроился на табурете. Баталер достал еще «еды» и протянул мне.

– Мое любимое! – воскликнул я.

«В этот раз постарайся не съесть тарелку», – написал Форт.

Я ел и аж мурлыкал, до того аппетитной мне казалась пища.

Что? Да, я вполне ощущал ее вкус. А почему бы не...

Ах, пять чувств? Да, я сказал, что потерял чувство вкуса из-за проклятия Колдуньи. И вы подумали... Вы подумали, что я имел в виду *это* чувство вкуса? Ах, какая наивность!

Она забрала у меня другое чувство вкуса. Самое важное из имевшихся.

А вместе с этим чувством вкуса исчезли чувство юмора, чувство приличия, чувство цели и чувство собственно-го «я». Исчезновение последнего задело меня больше всего, поскольку вместе с ним пропала способность остроумно шутить, что закономерно, учитывая имя?

В результате получился юнга Хойд.

В любом случае я успел представить всех членов экипажа, которых вам нужно знать на данный момент. Капитан Ворона. Старпом (и канонир) Лаггарт. Форт, баталер и кок. Плотник Энн и Салэй, рулевая. Всех остальных вполне можно называть Дугами...

Ах да! Чуть не забыл. Улаам. Но поскольку он уже мертв, то не считается.

16. Труп

Набив желудок «едой», Локон вернулась на верхнюю палубу и возобновила работу с новой энергией. Оставалось лишь догадываться, когда в последний раз мыли эти доски – они были покрыты слоем мертвых спор. Требовалось много сил, чтобы наконец из-под слоя грязи показалось дерево, поэтому дело двигалось крайне медленно.

– Ух ты! – воскликнул на плече девушки Хак, сравнивая темную палубу впереди с ярко-коричневыми отмытыми досками.

Между ними теперь сверкали нити серебра.

– Разница разительная.

– Споры прилипают практически ко всему, – пояснила Локон, оттирая очередную планку. – Лучшее средство от них – мыло и усердие. Но когда я закончу, дерево нужно будет хорошенько просмолить.

Для человека, который почти ничего не знал о морских путешествиях, Локон знала довольно много о самих морях. Она слышала, как многие мужчины и женщины жаловались на корабельную жизнь, которая, по их словам, представляла собой тяжкий труд. Матросам, работавшим в таверне между плаваниями, приходилось драить палубу; от них Локон узнала, что смола заполнит щели и укрепит доски, а кроме того, сделает их гораздо менее скользкими. И мыть нужно

не вдоль, а поперек, чтобы не стереть канавки с серебром.

Ее память была полна подобной мудрости – мудрости жалоб. Кроме прочего, матросы поведали девушке о морской иерархии. Большинство матросов были равны между собой, но над ними стояли офицеры. Локон уже познакомилась со всеми ключевыми членами экипажа, за исключением двоих: врача и споровщика. Девушка не представляла себе, чем занимается последний, пока не увидела его за работой на предыдущем корабле.

День перевалил за половину, и Локон пришлось игнорировать желудок, когда тот снова заурчал. После завтрака, которым девушка его угостила, желудку следовало бы вести себя осторожнее. Зато Локон теперь знала, где хранятся бочки с питьевой водой, и ей разрешали выпивать полную чашку всякий раз, когда она спускалась в трюм, чтобы заново наполнить ведро.

Все остальное время Локон драила палубу. К сожалению, это занятие, как и мытье окон, сопровождалось огромной мыслительной работой. Как нам уже удалось выяснить, мысли частенько наполняли голову девушки.

Это одна из величайших человеческих ошибок – считать, что чернорабочие не любят думать. Физический труд крайне полезен для ума, поскольку оставляет уйму времени для размышлений о мире. Любое другое занятие, вроде работы счетовода или писца, мало требует от тела, но откачивает энергию из мозга.

Если хотите стать сказителем, то вот вам подсказка: продавайте свой труд, но не ум. Заставьте меня драить палубу по десять часов в день, и мое воображение породит кучу историй! Заставьте меня заниматься сложением и вычитанием по десять часов в день, и все, что мое воображение сможет выдать вам в конце дня, – это мечту лежать в теплой постели и не думать ни о чем вообще.

Мысли Локон крутились вокруг слов баталера о пушечных ядрах. Что же пошло не так? Девушка была до того заинтригована, что в качестве следующего поля деятельности выбрала местечко рядом с носовым орудием.

Чуть позже ее окликнул Дуг:

– Эй, новенькая! Иди сюда, мне нужна твоя помощь!

Слишком хорошо воспитанная, чтобы ответить «нет», Локон убрала ведро и щетку. Слегка обеспокоенная, она отряхнула колени и последовала за Дугом в трюм. Там Дуг вынул из специального короба несколько пушечных ядер.

– Бери вот это. – Он кивнул на бочонок у стены.

Локон нерешительно подошла и взялась, но обнаружила, что бочонок весит гораздо меньше, чем показалось на первый взгляд.

– Что это? – спросила она.

– Зефирные споры, – ответил Дуг. – Из Сапфирового моря.

От ужаса Локон чуть не выпустила бочонок из рук. Целый бочонок спор? Теперь она понимала, почему Дугу понадоби-

лась ее помощь. Он предпочел нести гораздо более тяжелые пушечные ядра, чем легкие, но смертоносные споры.

– Зачем вам бочонок со спорами? – поинтересовалась девушка.

– Для стрельбы из пушек, – объяснил Дуг. – Загнать в ствол ядро – этого мало. Еще нужно сделать «пуф» и отправить ядро в полет.

Споры? Они применяются для стрельбы из пушек? Локон несла бочонок со всей осторожностью, особенно при подъеме по трапу.

– Поскольку стрельба не обходится без спор и всякого такого, – продолжил Дуг, – этим занимался старина Уив.

– Уив? Наверное, это корабельный споровщик?

– Угу, бывший корабельный споровщик. – Лицо Дуга омрачилось. – Славный был малый, мне нравилась его компания. Он, знаешь ли, совершенно не умел блефовать, и я постоянно обыгрывал его в карты.

– Что с ним случилось?

– Не захотел стать пиратом.

– И он покинул вас в одном из портов?

– Ну да, покинул, – подтвердил Дуг. – Вот только порт здесь ни при чем...

Дуг взглянул на Ворону, которая, стоя на юте, прикладывалась к фляге. Ветер развеивал черное перо на ее шляпе.

– Капитан убила его? – прошептала Локон.

– Он единственный не согласился, – пояснил Дуг, – с

предложенным ею новым направлением деятельности. Так что Уив направился прямо ко дну океана. Споровщики – странный народ, они слишком увлечены возней со спорами. Но Уив не заслужил такой участи. Он пострадал только за то, что озвучил мысли всех нас.

Так Локон узнала, почему до сих пор не встретила на борту споровщика. А вы теперь поняли, почему я не предложил запомнить, как его зовут. И потом... нет, он не труп. В смысле, труп-то он труп, но не на корабле. Есть еще один. Постарайтесь впредь следить за моей мыслью.

Дуг повел Локон к посту канонира. Лаггарта там не оказалось, а носовая пушка прочно стояла на месте в окружении своих аксессуаров. Дуг стал укладывать ядра в специальный ящик.

– Вот что, – обратился он к Локон, – я схожу еще за ядрами: надо пополнить запас. Видишь вон ту большую бочку? Как и бочонок, что ты держишь в руках, она покрыта специальным веществом, защищающим споры от нашего серебра. Нам нужны живые споры, чтобы стрелять ядрами по кораблям.

Но канониру нужно разложить эти споры по зарядным картузам – мешочкам, которые можно легко засунуть в пушку. В бочке ты найдешь пустые картузы. Все, что от тебя требуется, – это наполнять спорами мешочки, не просыпав, и завязывать горловину узлом. А работать тебе предстоит в большой бочке, отделанной специальным веществом, защи-

щающим споры.

Дугу явно стало неловко – он засунул руки в карманы и опустил взгляд.

– Отлично, – сказала девушка.

– Жаловаться потом не будешь? – спросил Дуг.

Локон отрицательно покачала головой. Ей не хотелось лезть в бочку, потому что она боялась спор. Но девушка не могла позволить собственному страху причинять неудобства другим людям. Ведь она на корабле новенькая. Вполне понятно, что именно ей придется выполнить опасную работу, за которую никто не желает браться.

Локон подошла к бочке и сняла крышку. На дне лежало несколько мешочков, полных спор; пачка пустых картузов нашлась в сетке, подвешенной к бочке снаружи.

– Ты... правда не будешь жаловаться? – уточнил Дуг. – Сам-то я жаловался, когда меня заставили это делать.

– Должно быть, ты умнее меня, – ответила Локон. – Дашь какой-нибудь совет?

– Там есть воронка, очки и маска. И еще... постарайся не волноваться. Это не самый опасный вид спор. Надеюсь, все обойдется.

От этого «надеюсь» веяло множеством разнообразных угроз. Но Локон осталась в живых только потому, что команда воспротивилась приказу бросить ее за борт. Девушке не хотелось терять расположение матросов, поэтому она коротко кивнула и приступила к работе.

17. Плотник

Голубые споры завораживали Локон. Это были первые споры с другой луны, из другого моря, которые она увидела вблизи. Они были прекрасны, почти прозрачны. Тот факт, что споры могли с легкостью прикончить Локон на месте, делал их еще более привлекательными. Как искусно выкованный меч, созданный с любовью, тщанием и потом кузнеца – для того, чтобы вершить чудовищные деяния максимально элегантно.

Чтобы не подвергать Хака опасности, Локон тихо попросила его удалиться. Затем девушка помолилась лунам и вспомнила о Чарли. Завоевать доверие команды «Вороньей песни» – важнейший этап в ее плане. Работа, за которую не желает взяться ни один член экипажа, должна открыть перед Локон новые возможности. В свое время даже мытье окон открыло перед ней новые возможности. Самая важная из них – встреча с Чарли.

Учитывая все это, а также маску и очки на лице, Локон испытывала лишь легкий ужас, опуская бочонок со спорами в большую бочку. Сбоку у последней имелись крючки, чтобы подвесить бочонок, на дне которого был кран, как для наливания пива, позволяющий спорам высыпаться с безопасной скоростью. Однако при наполнении первого картуза с помощью воронки у Локон заметно дрожали руки.

Девушка завязала картуз и аккуратно уложила на дно бочки рядом с остальными. Постепенно Локон поймала ритм. Она заполняла картузы, стараясь не просыпать ни одной споры. Это была напряженная работа, гораздо менее подходящая для размышлений о смысле жизни, чем мытье палубы. Но Локон – будучи Локон – не могла не думать совсем.

Она размышляла о том, как именно споры заставляют пушку стрелять. Она размышляла о том, есть ли в корабельной оружейной споры других видов, и о том, кто заведует ими теперь, когда корабельный споровщик мертв.

Кроме того, она размышляла о том, зачем большой бочке фальшивое дно.

Локон поняла, что оно фальшивое, очень скоро. Ведь она немало недель изучала конструктивные особенности бочек в поисках возможности что-нибудь спрятать в них. Так, на одном из устройств, подготовленных девушкой для бегства со Скалы, имелась секретная задвижка, спрятанная... где-то тут.

Локон обнаружила ее рядом с окантовкой. Маленький металлический выступ, который можно легко сдвинуть с места. Когда Локон это удалось, в фальшивом дне открылось отверстие размером примерно с кулак. Несколько мешочков со спорами провалились в образовавшуюся дырку, и у девушки перехватило дыхание. Локон просунула пальцы в отверстие, чтобы вытащить их, и наткнулась на что-то еще.

Пушечное ядро. Спрятанное под фальшивым дном.

И там хватило бы места для трех или четырех ядер.

Локон быстро извлекла упавшие в потайной отсек картузы и вернула задвижку на место. Она продолжила наполнять мешочки спорами, но теперь руки дрожали еще сильнее. Мозг работал в таком бешеном темпе, что, будь он автомобилем, ему бы вскоре пришлось менять резину.

Локон поняла, что произошло. Как будто видела собственными глазами.

Канонир должен зарядить оружие, прицелиться и выстрелить. Ему наверняка приносят целую кучу ядер, и никто не заметит, если одно из них он подменит ядром из потайного отсека.

Локон была уверена на сто процентов, что эти ядра не пройдут проверку у Форта – ими вряд ли можно остановить приз с помощью лоз. Канонир Лаггарт намеренно потопил корабль.

Но зачем? Вся эта ситуация не имеет смысла по множеству причин. И дело не только в отсутствии добычи. Зачем скрывать тот факт, что пираты изначально намеревались уничтожить встреченное судно? К чему эти увертки?

Все это имеет смысл только в том случае, если...

– Значит, тебе доверили зефирные споры, – раздался голос за спиной Локон. – Мне было очень интересно, кому Дуги поручат эту работенку теперь, когда Уив мертв.

Локон обернулась и увидела долговязую женщину с острым носом и короткой стрижкой, недавнюю собеседницу

Форта.

Энн, корабельный плотник.

Каждому судну нужен хороший плотник. Спорщик может заткнуть дыру в обшивке выбросом спор, но серебро со временем разрушит даже полностью затвердевший розеит. До моряка быстро доходит, насколько тонка грань между жизнью и верной смертью. Не толще бортовой доски. Если вы когда-нибудь захотите в полной мере ощутить конечность бытия, то сможете легко это сделать ночью на палубе, глядя в окружающую вас бесконечную тьму. И вы поймете, что тьма под вами еще обширнее, чернее и страшнее.

А еще вы убедитесь, что хороший плотник на борту стоит своего двойного жалованья. На самом деле он стоит намного больше.

– Да я совсем не против, – сказала Локон, заполняя очередную картуз. – Согласна постоянно этим заниматься, если предложат.

Вообще-то, девушке было не по себе в присутствии Энн, которая прохаживалась вдоль пушки, водя пальцем по стволу. Эта особа разговаривала с Фортом о ядрах. На чьей она стороне? И сколько их, сторон, всего? Во что Локон ввязалась?

Она не знала и половины того, что творилось на «Вороньей песни».

– Не зарекайся, Локон, – хмыкнула Энн. – Моряки не выбирают службу. Уж такая традиция.

– Ты знаешь мое имя? – удивилась Локон.

– Новости на борту разносятся быстро, – ответила женщина. – Я Энн. Корабельный плотник и помощник канонира.

Помощник Лаггарта? Локон нервно облизнула губы, но тут же одернула себя. Лизать что бы то ни было – не самое полезное дело при работе со спорами. Локон завязала наполненный картуз.

Видела ли Энн, как Локон обнаружила в бочке потайной отсек?

– Что ты обо всем этом думаешь? – С этими словами Энн уселась на ближайший ящик и положила ладонь на один из своих пистолей, будто получая от него поддержку. – Ты теперь пиратка, Локон. Неожиданный поворот жизни.

– Всяко лучше, чем неожиданный поворот к смерти, – пожала плечами Локон.

– Ага, – согласилась Энн. – Твоя правда.

Локон хотела задать несколько вопросов, но боялась показаться навязчивой. Эти люди пощадили ее. Кто она такая, чтобы обращаться к ним с просьбами? Поэтому девушка сказала уклончиво:

– Вы все, похоже, неплохо справляетесь в своем новом статусе пиратов.

– Неплохо справляемся? Что еще за разговорчики? – Энн подалась вперед. – Ты хочешь знать, почему мы стали пиратами, да?

– Э-э-э... да, мисс Энн. Хочу.

– Почему бы прямо не спросить об этом?

– Я не хочу показаться невежливой.

– Показаться невежливой? Пиратам?

Локон покраснела.

– Я не прочь обсудить этот вопрос. – Энн устремила взгляд по курсу, где нос корабля торил путь сквозь споры. – Капитан предложила соблазнительный расклад: либо принять участие в предстоящей войне короля, либо работать на себя, наплевав на указы и тарифы. К тому же капитан пообещала, что мы будем выполнять благородные и важные обязанности.

– Важные обязанности? – переспросила Локон.

– Станем крайне важным элементом экономики.

– Хм... понятно.

– Что, правда?

– Вообще-то, нет.

– Почему же сразу не сказать, девочка? – Энн укоризненно покачала головой. – Так вот, наша работа действительно важна. Ты же знаешь богатеев – наживаются на том, что люди плавают по морям, продают и покупают, и все для них. И что им потом делать с деньгами? Запереть на сто замков? Но какая польза от денег, которые лежат мертвым грузом? Вряд ли кому-то понравится, если богатство так и проваляется до скончания века в сейфе вместе с бабушкиным обручальным кольцом. Поэтому мы должны изъять частичку богатства. Впрыснуть ее обратно в экономику в качестве сти-

мула. Чтобы помочь местным торговцам, этим ничего не значащим людишкам, выжить. Мы оказываем ценную услугу.

– Путем... грабежа?

– Точняк. – Энн откинулась назад, вновь положив руку на пистоль. – По крайней мере, таков был изначальный план. Мы не должны были стать беглецами-висельниками. Но полагаю, каждый из нас учитывал риск. Хотя то, что мы облажались при первом нападении, стало для меня полной неожиданностью.

Локон склонила голову набок, едва сдерживаясь, чтобы почесать место, где очки соприкасались с лицом. Несмотря на наличие серебра на палубе, споры на пальцах девушки могли выжить и остаться опасными.

– Не понимаю, – сказала Локон. – Беглецы-висельники?

– А ты что, не в курсе? – спросила Энн. – Сама-то к какому типу моряков принадлежишь?

– Видимо, к тому, который не в курсе, кто такие беглецы-висельники.

Локон раздражало, что ее ругают за утаивание вопросов, а затем высмеивают за неутаивание.

– Существует две разновидности пиратов, Локон, – принялась объяснять Энн. – Это обычные пираты и висельники. Обычные пираты грабят, но не убивают, по крайней мере до тех пор, пока по ним не откроют огонь. Они плавают на быстроходных кораблях, легко догоняют другие суда, и те платят выкуп. Затем настигнутые уходят живыми, а обычные

пираты уплывают богатыми. Что-то вроде соревнования, понимаешь? Гонки на скромный интерес. Королевские чиновники ведут учет. Если ты отпускаешь людей, если не убиваешь... тебя посадят, когда попадешься. Но не повесят.

– Выглядит очень культурно, – сказала Локон.

Энн пожала плечами:

– Культура существует потому, что каждому хочется сохранить свои внутренности у себя внутри. Ты не набрасываешься с кулаками на первого встречного, потому что не хочешь, чтобы при каждой встрече на тебя набрасывались с кулаками. Король это понимает. Пока он сквозь пальцы смотрит на пиратов, которые не беспредельничают, они у него на крючке. И потом, кто предпочтет гонке битву? Матросы на торговых судах не хотят лишиться жизни из-за денег своего хозяина. Хозяева не хотят лишиться своих кораблей. Да и не пробыть тебе долго пиратом, если в каждой стычке будешь окроплять палубу своей кровью. Правда, в бою можно случайно прикончить какого-нибудь бедолагу...

– Или целый корабль со всем экипажем, – закончила Локон.

Энн кивнула:

– В этом случае ты становишься висельником. Никакой тебе пощады, если поймают. Даже другие пираты возненавидят тебя. Никто не возьмет к себе в экипаж матроса с корабля-убийцы. И будешь ты болтаться по морям в полном одиночестве, как фасолина в супе бедняка.

Во имя всех лун, во всем этом был смысл. Локон изменила свое мнение об Энн. Грусть на лице, сожаление в голосе... Если и существовал какой-то заговор по уничтожению корабля контрабандистов, Энн в нем участия не принимала.

А вот Лаггарт, похоже, о нем знал. Как и капитан. Они хотели стать беглецами-висельниками. Отсюда и потайной отсек с ядрами, и гибель «Мечты Ута». Иначе зачем оставлять в живых одного-единственного моряка, если не для того, чтобы он сообщил миру о случившемся?

Локон была настолько поглощена своими мыслями, что забылась и рассеянно почесала зудящие от очков щеки. И замерла.

Лунные тени!

Что ж, теперь по крайней мере...

И тут ее лицо взорвалось.

18. Еще один труп

Очнувшись после мимолетного забытья, Локон обнаружила себя лежащей на палубе: защитные очки слетели и валяются в стороне.

А что это за звуки? Крики агонии?

Вовсе нет! Смех!

Хохотала Энн. Громко и раскатисто. Локон невольно дотронулась до обожженного лица. Кожу саднило, но щека, к счастью, была на месте. Судя по всему, споры, оказавшиеся под защитными очками, вступили в реакцию с капелькой пота и взорвались. Слава лунам, их под ободок попало ничтожно мало, иначе Локон разорвало бы в клочья.

– Не смешно! – сказала девушка и села.

(И ведь она права, это было не смешно, а преуморительно!)

– Давай, споровщица, поднимайся! – Энн схватила Локон под локоть. – Отведу тебя к судовому врачу, пускай осмолит.

Кликнув Дуга, что нагрузил Локон столь опасной работой, Энн велела ему убрать образовавшийся при взрыве мусор и повела ошеломленную девушку на среднюю палубу.

– Как же тебе удастся работать с этими гремучими спорами? – спросила Локон. – Ты ведь помощница канонира?

– Ну да... помощница, – подтвердила Энн. – Но только

когда прикажут.

– А почему пушки не взрываются?

– Как – не взрываются?.. Еще как взрываются! Иначе ядром и не запустишь!

Локон решила, что обдумает услышанное позже. Сейчас не время и не место: голова совсем не соображает. Мытье окон, как вы уже и сами догадались, глубоких познаний в баллистике не дает.

Пробравшись через беспорядок, учиненный взрывом спор, они оказались в носовой части корабля и остановились подле двери. Ранее Локон уже присматривалась к ней, но та была заперта. Теперь же Энн распахнула дверь легким толчком плеча. Помощница канонира провела Локон в каюту, где их глазам предстал мужчина в строгом костюме. Подобного фасона Локон видывать еще не приходилось, однако сразу вспомнился мундир отца Чарли. В отличие от броского облачения герцога, костюм корабельного врача выглядел сдержанно. Но от этого он ничуть не проигрывал, даже наоборот – вполне мог побороться за пальму первенства в элегантности. Сказать, отчего создавалось такое впечатление, Локон затруднилась бы. Вероятно, оттого, что сюртук целиком был черного цвета и не имел с фронта ни единой пуговицы или иной застежки, а брюки щеголяли идеально отглаженными стрелками.

Волосы у врача были смоляные, а черты лица до того резкие, что казались искусственными и придавали ему сход-

ство с портретом или восковой фигурой. Кожа имела пепельно-серый оттенок, глаза были кроваво-красными. Если бы владыка преисподней задался целью обзавестись адвокатом, то кандидатуру этого малого он рассмотрел бы в первую очередь.

Локон следовало бы испугаться, однако она испытала не страх, а благоговейный трепет. Какими ветрами занесло на пиратский корабль это странное существо? Определенно, оно явилось из мест, что находятся за гранью известной человеку реальности, где не властны законы пространства и времени.

И отчасти Локон была права.

Между прочим, он все еще не вернул мне мой костюмчик.

– Ба! – сдержанно воскликнул доктор Улаам голосом, не лишенным вежливого радушия. – Чем ты решила порадовать меня на этот раз, Энн? Никак свежей человечинкой?

– Девушка наполняла картузы зефирными спорами, – объяснила Энн, усаживая Локон на лавку у стены тесной каюты, – и ей немного попало под защитные очки.

– Бедняжка, – посочувствовал Улаам. – Новенькая на борту? Хм... А у тебя интересные глаза!

– Если попросит продать их, обязательно торгуйся, – шепнула Энн. – Обычно можно выгадать в два раза больше.

– Глаза?! – возмутилась Локон. – Он хочет забрать мои глаза?

– Разумеется, только после твоей смерти. – Улаам от-

пер один из шкафчиков с бесчисленными ящичками, извлек склянку с лекарственной мазью и повернулся к Локон. – Или ты хочешь расстаться с ними прямо сейчас? У меня есть несколько достойных вариантов на замену. Глазные яблоки что надо!

Локон решительно замотала головой.

– Не желаешь? Может, хоть один согласишься обменять?

– Кто... Что вы такое? – спросила Локон.

– Это наш зомби, – ответила Энн будничным тоном.

– Какой грубый термин! – упрекнул Улаам. – И как я уже не раз отмечал, совершенно неточный.

– О чем ты говоришь? Ты же холодный, как мокрая рыба! – воскликнула Энн. – А сердце так и вовсе не бьется!

– Адаптации позволили мне снизить потребление калорий, – объяснил Улаам. – Мой метод и в самом деле очень эффективен. Я думаю, вскоре все смогут обходиться без сердца. Осталось только добиться, чтобы человеческий организм перестал погибать в его отсутствие. – С этими словами врач протянул Локон склянку с мазью. – Нанеси на пораженное место, и боль сразу утихнет.

Локон взяла склянку и робко макнула кончик пальца.

– Как легко согласилась! – воскликнул Улаам. – Такая храбрая? Или просто глупая?

– Мы еще не успели выяснить, – пожала плечами Энн.

– Судя по тому, как ты ухмыляешься, это какая-то проверка? – спросила Локон. – А с другой стороны, чего мне

тревожиться? Задумай вы от меня избавиться, я бы уже давно пустила корни на дне спорового моря.

– Ого! А она мне нравится! Я собираюсь положить на эту девчонку глаз. Вот, держи! – Улаам сунул ей что-то в ладонь.

Локон опустила взгляд и увидела...

Человеческий глаз!

Она взвизгнула и выронила глаз, но Улаам ловко подхватил его.

– Осторожней! Это один из моих любимых экземпляров. Ты только глянь на радужку. Кстати, отличная замена твоему левому. Ты будешь эффектно смотреться. Один глаз темно-синий, а другой зеленый! Гетерохромия!

– Э-э-э... Спасибо, конечно, но мне и так живется неплохо.

– Ну что ж, ладно! – уступил Улаам, пряча глаз. – Может, потом... С мазью, кстати, все в порядке. Не бойся, никакая это не проверка и не розыгрыш. Смею тебя заверить, что я, вероятно, самое безобидное существо на этом корабле.

– Улаам, ты же ешь людей! – сказала Энн. – В прямом смысле этих слов!

– Ай-ай-ай, какой опасный Улаам!.. Энн, я ем не людей, а их трупы! Кроме шуток, я ничуть не страшнее моих коллег – всесильного могильного червя или какой-нибудь бактерии разложения.

Поколебавшись, Локон мазнула лицо снадобьем, и боль как рукой сняло. Поразившись мгновенному исцелению, она

растерла остатки мази по щеке. Когда взглянула в зеркальце, любезно поднесенное Улаамом, девушка не обнаружила ни обожженной плоти, ни даже покраснения.

– Вот поэтому-то мы и держим его на корабле, – сказала Энн. – Хоть он и жуткий, как двуглавая змея.

– В этом болоте я единственный светоч современной медицины, – похвалился Улаам. – Да, кстати... образ хоть и весьма яркий, но, увы, неточный. Для рептилий нет ничего необычного в частичной аксиальной бифуркации. В следующий раз, если захочешь выставить меня в странном свете, для вящего эффекта проводи сравнение с птицей или каким-нибудь млекопитающим – среди этих позвоночных двуглавые особи встречаются гораздо реже, чем среди змей.

Девушки уставились на Улаама, пытаясь переварить услышанное.

– Как-то раз эксперимента ради я съел нескольких двухголовых змей, – продолжал Улаам. – Я стал жутким, как двуглавая змея, в буквальном смысле. Для чего я это сделал? Я мимикрировал под двухголовое пресмыкающееся в надежде разделить сознание на две части и соображать вдвое быстрее. Но увы, фокус не удался! Жаль все-таки. Вот была бы потеха! – Он забрал у Локон склянку с мазью. – Впредь постарайся не подрываться. Изуродованные трупы мне ни к чему. К тому же у мяса появляется металлический привкус.

Если вам захотелось получше узнать, что за змеюка такая этот Улаам, то вот еще один прелюбопытный факт. Надеж-

ный источник поведал мне, что Улаам вволю покуражился в период моего прискорбного недомогания. Улаам палец о палец не ударил, чтобы снять проклятие! Вместо этого он принялся наблюдать за мной и описывать во всех неприличных подробностях мои страдания, чтобы затем разослать эти заметки нашим общим друзьям.

Признаю, что мой случай отнюдь не простой и условия того проклятия запрещали мне давать кому бы то ни было прямые инструкции, как его снять или разрушить. Но ведь от Улаама я ожидал большего. Все, что он сделал, когда обнаружил сначала меня, а затем и мой недуг, так это поселился на корабле. В прежние времена я не раз слышал от него, что он мечтает стать путешественником.

«Приключения добавляют остроты ощущений в нашу пресную жизнь, не находишь? – Так он вопрошал и неизменно мычал: – Мм?..»

– Команда поначалу не знала, что с ним делать. Капитан даже несколько раз пыталась застрелить Улаама, но вскоре утратила к его персоне всякий интерес. «Смертельно скучный тип» – так, кажется, она его охарактеризовала. Подобных ему существ и вправду практически невозможно убить. Однако со временем выяснилось, что Улаам способен не только поедать трупы, но и приносить пользу. Его оставили в покое и негласно приняли в команду. Так больной мирится с зудящей сыпью и благодарит судьбу за то, что это лишь сыпь, а не открытая язва. К тому же Улаам нас не объедает,

он довольствуется случайными трупами, на которые никому и в голову не приходит претендовать. Пожалуй, это цинично, но, заполучив целителя-чудотворца, сам не замечаешь, как идешь на сделку с совестью и закрываешь глаза на его эксцентричные выходки.

Понятное дело, знакомство с корабельным врачом потрясло Локон до глубины души. Энн усадила ее на палубу неподалеку от ведра со щеткой, а сама отправилась по делам. Потирая уже полностью зажившую щеку, Локон решила вернуться к своему прежнему занятию.

Однако не успела она взяться за щетку, как почувствовала на себе цепкие лапки Хака.

– Намечается что-то нехорошее, – шепнул он.

– Что именно? – спросила Локон. – Нападение на корабль?

– Нет-нет... Ты меня отпустила погулять, и я решил раздобыть еды. Проголодаться, конечно, еще не успел, но разве угадаешь заранее, когда заурчит в брюхе? Короче говоря, я спустился в трюм, а там, как тебе известно, съестное можно добыть, только разодрав мешки. Как же люди бесятся, когда наш брат так делает! Не могу взять в толк, зачем завязывать мешок, если не хочешь, чтобы его прогрызли. Ну не завязывай ты мешок, человечешко, и не пострадает твое добро! И мешки целы, и крысы сыты, понимаешь?

– Хак, ближе к делу, – перебила его Локон. – Что происходит?

– К этому я как раз и веду. Внизу я наткнулся на Лаггарта, он осматривал корабельные запасы. И знаешь что? Он тырил пушечные ядра! Локон, я собственными глазами видел, как он припрятал парочку в своей сумке.

Локон была заинтригована этой новостью, а кроме того, ей представилась отличная возможность проверить догадку. Девушка взяла ведро со щеткой и расположилась неподалеку от пушки, чтобы драить палубу и наблюдать. В ожидании канонира Локон вся обратилась в зрение и слух.

Ждать пришлось недолго.

19. Канонир

Вскоре к пушке подошел Лаггарт. Вытянув шею, канонир долго рассматривал на дне бочки картузы со спорами. Наконец объявил, что работа сделана хорошо, и похвалил Дугов. В тот самый момент Дуги извели всю силу магии делегирования. Прочувствовали все преимущества власть имущих. Познали, каково это – пожинать плоды чужих трудов и не переживать за возможные неудачи, ведь при таком раскладе удар всегда принимает на себя исполнитель. Однако Локон это было даже на руку. Все, чего она в ту минуту хотела, так это чтобы Лаггарт не глядел в ее сторону.

Дуги отправились выполнять поручения, а Лаггарт засуетился вокруг пушки, чистить которую никому не доверял. И надо сказать, он устроил из этого настоящее представление.

Между тем Локон продолжала драить палубу, оставаясь незаметной на самом виду. Когда Лаггарт воровато оглядывался, Локон успевала опустить голову и погрузиться в работу. Канонир вел себя чрезвычайно осторожно, но от Локон не укрылось, как он вытащил из сумки пушечное ядро величиной с кулак и спрятал его в той самой бочке с двойным дном.

Догадка подтвердилась. Лаггарт и вправду хранил в потайном отсеке снаряды, способные топить корабли. Но зачем ему понадобилось подвергать экипаж такому риску? Какой

резон вступать в ряды вечных беглецов-висельников? Ведь это гораздо опаснее, чем просто пиратствовать. А как же пожива? Разве добыча не самое главное для пирата? Не считая, разумеется, корабля и всего прочего, что с ним связано?

Выходит, Лаггарт, не считаясь с мнением товарищей по экипажу, намерен внести их всех до единого в списки висельников?

Закончив возиться с пушкой, Лаггарт прикрикнул на ленившихся невдалеке Дугов, взвалил на плечо сумку и вразвалочку подошел к каюте капитана. Впустив канонира, Ворона выставила перед входом стража – тучного моряка, едва ли подходившего на роль привратника, – и захлопнула за Лаггартом дверь. Своими медлительными манерами Дуг напомнил Локон двоюродного брата Брика. Безымянного верзилу на островке ставили перед дверьми таверны в те вечера, когда намечались особенно буйные пирушки.

– Вот бы узнать, о чем пойдет разговор, – сказала Локон.

– Ага... очень было бы недурственно, – отозвался Хак, восседая у нее на плече. – Зуб даю, секретничать будут!

– Вот бы кто-то прокрался и подслушал...

– Может, уговорим какого-нибудь Дуга? – спросил Хак.

– Нам нужен маленький и проворный соглядатай, – сказала Локон. – Тот, чьего присутствия не заметят.

– Проклятье, даже и не знаю, удастся ли нам найти такого Дуга-пронюру, – посетовал Хак. – Разве ты не слышала, как они топают по палубе? Я вчера ночью насилу уснул. Клянусь,

такое ощущение, что у них свинец в сапогах! Как будто... – Тут он, заметив пристальный взгляд Локон, умолк, а затем протянул: – О-о-ох... Тебе нужна крыса. Ладно, ладно, намек понял.

Хак соскочил с плеча Локон, перебрался на планшир и засеменял по нему из тени в тень по направлению к каюте капитана. Скользя по небольшому выступу с внешней стороны судна, он юркнул в иллюминатор так шустро, что охранник Дуг не заметил.

Вероятно, вы задались вопросом, отчего это Хак так быстро сблизился с Локон? Что ж, причин я мог бы привести великое множество, однако достаточно будет сказать, что за свою короткую крысиную жизнь Хак не встречал человека, который не пытался бы его убить, посадить в клетку или продать. Ни одного, кроме Локон.

О людях он знал мало, поскольку большую часть жизни провел в изоляции, однако Локон ему нравилась. Хаку не хотелось, чтобы его новая подруга вдруг умерла. Значит, надо шпионить.

Стараясь унять волнение, Локон принялась пуще прежнего скрести палубу. Из-за раздумий о том, что она подвергла Хака опасности исключительно ради удовлетворения собственного любопытства, тревожные минуты тянулись, словно часы. В прежней жизни она никогда бы не осмелилась просить кого-нибудь о подобной услуге, однако пиратская жизнь уже наложила на нее свой отпечаток.

«Разве есть у меня выбор? Для Чарли, вероятно, каждая минута промедления – тяжкое испытание. Где-то там, в неизвестности, он сейчас трясется от страха и страдает, – думала Локон. – Нет, я должна найти способ сбежать с корабля и продолжить поиски! Может, и нет ничего дурного в том, чтобы научиться быть малость навязчивой».

– Эй, на палубе! – воскликнул Хак, подбегая к ней по планширу. – Есть чего перекусить? От этого шпионажа у меня разыгрался зверский аппетит!

Локон с укоризной глянула на Хака. Упоминание о еде заставило ее желудок заурчать.

– Луны всемогущие! Я же просто спросил. Смотришь так, будто я съел целую буханку, а тебе оставил лишь корки да крошки.

– Удалось узнать что-нибудь интересное? – спросила Локон.

Хак дернул носом в сторону, приглашая следовать за собой. Спрыгнув с планшира, он поспешил в укромный уголок. Локон, не оглядываясь на Дугов, чтобы не привлекать лишнего внимания, двинулась в том же направлении. Со стороны выглядело так, будто она продолжает чистить палубу. Разглядеть крохотную крысу за ее спиной, разумеется, было невозможно.

– Сейчас я тебе перескажу их разговор, – повернувшись к Локон, сказал Хак. – Дай только вжиться в образ.

– Образ? – переспросила Локон.

Сев на хвост, Хак сложил лапки перед собой и задрал нос.

– Я капитан Ворона, – произнес Хак, на удивление точно передав аристократический выговор. – Слушай внимательно и отвечай сознательно... Ого, а в этой фляжке отменная водичка! Лаггарт, что с пушкой? Есть новости? Все ли готово?

Склонив голову, Локон с интересом наблюдала.

– Ты же Лаггарт!.. – зашипел Хак. – Отвечай!

– Но меня там не было! Откуда мне знать, что он говорил?

– Ты справишься! – отмахнулся Хак розовой лапкой. – Давай! Прикинься Лаггартом!

– Э-э-э... готовы ли пушки, спрашиваете?

– Побольше хрипотцы, – шепнул Хак. – И шею вытяни, как он обычно делает. Это поможет вжиться в роль.

– Но...

– Превосходно, Лаггарт, – продолжил Хак голосом Вороны. – Однако у меня плохие вести. Связной из Королевского порта прислал ворона с запиской. Найдены останки потопленного нами корабля и один-единственный труп – того самого моряка, оставленного нами в живых. Скончавшись от ран, о которых никто из нас не подозревал, он пренебрег моей добротой и оскорбил мои чувства!

– Что, так и сказала? – прошептала Локон. – Слово в слово?

– Это драматическая инсценировка, – зашипел Хак. – Ты думала, я буду конспектировать? Чем? Вот этим, что ли? – всплеснул он лапками. – Я рассказываю настолько точно, на-

сколько могу припомнить. Давай, теперь реплика Лаггарта.

– Гм... Выходит, не повезло нам, капитан? – хрипло спросила Локон.

– Но он же совсем не то сказал! Лаггарт спросил: «И что, получается, все наши труды насмарку и теперь придется топить еще один?» – Хак замахал лапкой, призывая Локон продолжать дальше самой.

Она обреченно вздохнула:

– Все наши труды насмарку. Ничего не остается, как топить еще один.

– Не верю! Лунные тени, может, вложишь хоть немножечко чувств?! – воскликнул Хак. – Ты не воспринимаешь свою роль всерьез!

– Я не...

– Лаггарт, у нас проблема, – сказал Хак голосом капитана Вороны. Он встал на все четыре лапки, задрал нос и принялся расхаживать взад-вперед по палубе. – Команда в смятении! Как бы кто не дезертировал!

– Что происходит? – спросила Локон.

– Сейчас узнаешь, – сказал Хак. – Давай-ка я сам сыграю Лаггарта, а ты пока передохни. И в следующий раз учи свою роль получше, ладно?

– Но...

Хак вытянул шею и заговорил жутким хриплым голосом:

– Удивительно, как вы сохраняете присутствие духа, капитан. Форт готовит нам неприятности. И Салэй, похоже, то-

же. Чтобы воплотить ваш план в жизнь и полностью подчинить экипаж, мы должны повязать его кровью невинных! И сделать это необходимо как можно скорее.

Перебежав с места на место, Хак вновь сел на хвост, передними лапками уперся в фальшборт и изобразил, как Ворона вглядывается в морскую даль за иллюминатором.

– Экипаж нипочем не согласится отправиться в грозные моря. Но если лишить его выбора... Потопим еще одно судно, и тогда матросы забудут о суше! На этот раз, Лаггарт, оставь в живых больше людей. Думаю, будет достаточно двоих. – Хак повернулся к Локон и принял привычную для крысы позу. – Вот, собственно, и все.

– Грозные моря... – прошептала Локон.

Изумрудное море считалось одним из наименее опасных. Однако капитан Ворона почему-то желает покинуть его споры и направиться туда, куда рискуют заходить только самые отчаянные моряки.

– Ну и что думаешь? – спросил Хак. – Похоже, она готовится наложить на экипаж какое-то особое проклятье. Повязать кровью...

– Это не проклятье, – шепнула Локон, продолжая работать щеткой, чтобы не вызвать подозрений.

– Но Лаггарт же сказал...

– Хак, это была метафора, – пояснила Локон. – Ясно же: капитан считает, что команда недостаточно предана ей. Ворона хочет отправиться в грозные моря, однако отдать такой

приказ пока не решается. Боится повального дезертирства,
и поэтому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.